Н. КРУПСКАЯ

ТРУД И ОБРАЗОВАНИЕ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
:ПРОЛЕТАРИЙ:

ИК5
К925

Н. КРУПСКАЯ

ТРУД И ОБРАЗОВАНИЕ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

2-жз

ЮНОШЕСКИЙ СЕКТОР
ИЗДАТЕЛЬСТВА „ПРОЛЕТАРИЙ“
1925

1397/25

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Ц.И.К.

К. П

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008

ИК5 Р
К925
30670

— Напечатано в Севастополе —
во 2-й Государствен. типографии
„Крымполиграфтреста“ в колич.
15.000 экземпляров. Зак. № 2722.
Уполном. Крымлита № 664.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя книга представляет собой сборник статей и речей Надежды Константиновны Крупской по вопросам юношеского труда и образования рабочей молодежи.

Первая часть книги освещает вопросы юношеского труда, вторая посвящена вопросам образования рабочей молодежи.

По возвращении из эмиграции в 1917 г. Н. К. уделила значительное внимание юношескому движению.

Статьи и речи Н. К. по вопросам коммунистического воспитания, методам союзной работы, непосредственное участие в работе ленинградской организации и созыве I Всероссийского съезда оказали ценнейшую услугу коммунистическому движению молодежи в России.

Не меньшую ценность представляют статьи и речи Н. К. по вопросам юношеского труда и образования рабочей молодежи, дающие марксистское освещение этому вопросу.

Очень часто гений, решая главную задачу, попутно разрешает ряд других. Классическим примером такой работы является „Капитал“ К. Маркса. Освещая вопросы юношеского и детского труда, в качестве иллюстрации к основному материалу, К. Маркс дает блестящий анализ детского труда.

Популяризируя взгляды Маркса—Энгельса на юношеский труд, в книге, написанной до революции, Н. К. одна

из первых поставила вопрос о разрешении проблемы юношеского труда в духе марксизма после победы революции.

В своей первой статье по возвращении из эмиграции Н. К. ставит вопрос „организации труда подростков".

По издании декрета об охране труда, предусматривавшего запрещение пользования наемным трудом подростков до 15 лет, а с 1/I 20 г.—до 20 лет, Н. К. в статье „Об отмене детского труда" вскрывает всю ошибочность и пагубность этого шага. Н. К. указывает, что в „Критике Готской программы" К. Маркс писал:

„Запрещение детского труда, вообще, несовместимо с существованием крупной индустрии и потому представляет собой лишь пустое благочестивое пожелание.

„Но даже если бы оно и было возможно, проведение его было бы мерой реакционной, так как, при строгом регулировании рабочего времени сообразно различным возрастам и другим мерам охраны детского труда, раннее соединение производительного труда с обучением представляет могучее средство преобразования современного общества".

Вместо огульного запрещения детского труда, являющегося мерой реакционной, Н. К. предлагает:

1) сократить рабочий день подростков и принять другие меры охраны труда;

2) целесообразно организовать труд подростков;

3) приложить все силы к тому, чтобы немедля же были устроены при заводах школы для подростков, где обучение было бы связано с производительным трудом.

Постановка вопроса, данная Н. К., вносит совершенно новое коренное содержание в применение юношеского труда.

Связь производительного труда с обучением, при соответствующей охране труда и психики подростка, дает реорганизацию юношеского труда, как единственно правильную форму его применения, на социалистических началах.

Наиболее полное отражение идея реорганизации юношеского труда на социалистических началах находит в школе фабрично-заводского ученичества.

Созданию школы фабрично-заводского ученичества, наиболее совершенного типа трудовой школы, предшествовал этап строительства школ-клубов для рабочих-подростков, возникший в неразрывной связи с идеями, которые высказывались Н. К., с ее поддержкой и указаниями.

Вторая часть книги посвящена развитию идеи трудовой школы.

В своих статьях Н. К. доказывает, как, под влиянием промышленного развития, пережитого Европой, в XIX столетии возникает школа учебы, оторванная от производства, пичкающая учащихся книжными знаниями, оторванными от живой действительности.

Техника капиталистической промышленности XIX столетия требовала рабочего, лишенного самостоятельности и инициативы, но обладающего выносливостью, терпением, выдержкой; такого работника старалась готовить школа учебы.

Дальнейший прогресс в технике предъявляет новые требования к рабочему: промышленности нужны квалифицированные работники, люди с техническим кругозором, нужны монтеры, умеющие организовать работу и исправлять погрешности машины.

Неквалифицированные рабочие вытесняются за счет квалифицированных.

Потребности промышленности вызывают к жизни новую школу, школу профессионально-техническую и фабрично-заводскую.

Школа учебы, оторванная от жизни, отмирает. Вырастает школа труда.

Однако, сеть профессионально-технических и заводских школ в капиталистических странах незначительна.

Школы труда превращаются в очаги подготовки рабочей аристократии.

Капитализм не способен разрешать ни проблемы юношеского труда ни трудовой школы.

Н. К. приходит к выводу, что „пока организация школьного дела будет находиться вне сферы влияния рабочего класса, школа будет орудием, направленным против его интересов".

Лишь рабочий класс может сделать школу труда „орудием преобразования современного общества".

———

Горячо рекомендуя книгу Н. Крупской каждому комсомольцу и особенно работнику фабзавуча, мы выражаем уверенность, что каждый читатель сумеет почерпнуть много ценных знаний как для практической работы, так и в усвоении взглядов Маркса—Энгельса на юношеский труд.

Настоящий сборник составлен Л. Березовым, при чем основной материал взят из книги Н. Крупской „Воспитание молодежи в ленинском духе".

I

ДЕТСКИЙ И ЮНОШЕСКИЙ ТРУД

МАРКС И ЭНГЕЛЬС О ДЕТСКОМ ТРУДЕ.

МАРКС О ДЕТСКОМ ТРУДЕ.

„Уже в 1840 г., — пишет Маркс в I томе „Капитала“, — была назначена парламентом комиссия для исследования детского труда. Отчет ее от 1842 г. раскрыл, по словам Н. Сениора, ужасную картину жадности, эгоизма и жестокости капиталистов и родителей, нищеты, вырождения и одичания детей и подростков, когда-либо виданную светом... Этот отчет пролежал без внимания 20 лет, в течение которых позволили стать родителями нынешнего поколения детям, выросшим без малейшего представления о том, что мы называем моралью, о школьном образовании, религии или естественной семейной любви“ („Капитал“, т. I, стр. 408, изд. 1899 г., под ред. Струве).

Комиссия требовала регулирования законодательным путем фабричного труда детей. „Закон защитит подрастающее поколение (писала комиссия в своем отчете) от переутомления в раннем возрасте, подтачивающего его организм, приводящего его к преждевременному истощению; наконец, он предоставит детям возможность получать, по крайней мере, до 13 лет элементарное образование и этим положит конец невероятному невежеству, которое так верно изображено в отчетах комиссии и о котором нельзя подумать без истинной скорби и без глубокого чувства национального унижения“ (там же, стр. 408).

„Умственное одичание,—пишет Маркс,—искусственно производимое превращением незрелого человека в простую машину для фабрикации прибавочной ценности и резко отличающееся от того естественного невежества, которое оставляет ум невозделанным, не губя его способности к развитию, его естественного плодородия,—это одичание заставило, наконец, даже английский парламент провозгласить элементарное образование обязательным условием для „производительного“ употребления детей моложе 14 лет во всех промышленных заведениях, подчиненных фабричному закону“ (там же, стр. 325).

ВОСПИТАНИЕ ФАБРИЧНОГО ПОДРОСТКА.

Как ни убоги, в целом, были параграфы фабричного закона относительно воспитания малолетних рабочих, они все-таки объявили элементарное образование обязательным условием для употребления детского труда. Их успех впервые доказал возможность соединения обучения и гимнастики с физическим трудом, следовательно, и физического труда с обучением и гимнастикой. Фабричные инспектора скоро узнали из свидетельских показаний школьных учителей, что фабричные дети, хотя они учатся по времени вдвое меньше обыкновенных учеников, успевают столько же и часто даже больше. „Дело очень просто. Тот, кто проводит в школе лишь полдня, постоянно свеж и почти всегда готов и способен учиться. Система попеременного занятия учением и физическим трудом делает каждое из этих занятий отдыхом от другого, и, следовательно, гораздо более пригодна для детей, чем однообразные занятия одним каким-нибудь делом. Мальчик, который с раннего утра сидит в школе, к тому же, в летнюю жару, ни в коем случае не может соперничать

с другим мальчиком, который приходит бодрый и веселый со своей работы". Более подробные данные об этом предмете можно найти в речи Сениора на социологическом конгрессе в Эдинбурге в 1863 г. Он в ней, между прочим, показывает также, как односторонний, непроизводительный и продолжительный школьный день учеников высших и средних классов бесполезно увеличивает труд учителей „и в то же время заставляет детей тратить время, здоровье и энергию не только без пользы, но во вред себе". Из фабричной системы, как более подробно это можно проследить у Роберта Оуэна, возникает зародыш воспитания будущего, которое для всех детей свыше известного возраста соединит производительный труд с обучением гимнастике, и это будет не только метод повышения общественного производства, но и единственный метод производства всесторонне развитых людей" (там же, стр. 400).

На благодетельную роль семьи в деле воспитания Маркс, как и Оуэн, не возлагал никаких надежд.

Сила действительности заставила, однако, наконец признать, что крупная промышленность сама разрушает — вместе с экономическим основанием прежнего семейного строя и соответствующего ему семейного труда — и прежние семейные отношения. Должно было быть провозглашено право детей... „К несчастью, — говорится в заключительном отчете „Childr. Emb. Comm." (комиссия по исследованию детского труда) 1866 г., — дети обоего пола, как явствует из всех свидетельских показаний, нуждаются в защите, главным образом, от своих собственных родителей". Система безграничной эксплоатации детского труда,

вообще, и домашнего их труда, в особенности, „поддерживается произвольной и беспощадной властью, которой родители бесконтрольно и безгранично пользуются относительно своих молодых и нежных отпрысков... Родители не должны обладать абсолютной властью превращать своих детей в простые машины для выколачивания известного недельного заработка... Дети и подростки имеют право на защиту законодательства от злоупотреблений родительской властью, которые преждевременно подрывают их физическую силу и низводят их на очень низкий моральный и интеллектуальный уровень". Однако, не злоупотребление родительской властью создало эту прямую и косвенную эксплоатацию капиталом незрелой рабочей силы, а, наоборот, капиталистический способ эксплоатации вызвал злоупотребление родительской властью, так как уничтожает соответствующий этой власти экономический строй" (там же, стр. 405).

„Как ни ужасно, как ни отвратительно разрушение капиталистической системой старинного семейного строя, тем не менее крупная промышленность, посредством той решающей роли, которую она возлагает на женщин, подростков и детей обоего пола в общественно-организованном процессе производства, вне сферы домашнего очага, создает новую экономическую основу для более высокой формы семьи и для более высоких отношений между обоими полами. Разумеется, одинаково нелепо считать христианско-германскую форму семьи абсолютной, как и древне-римскую, древне-греческую или восточную формы, которые, впрочем, образуют последовательные ступени целого исторического ряда развития. Точно так же и составление комбинированного работой

персонала из лиц обоего пола и самого различного возраста,—хотя в своей стихийной и грубой капиталистической форме, при которой рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, оно и представляет заразительный источник разврата и рабства,—при соответствующих условиях должно, наоборот, сделаться источником развития человеческой личности" (там же, стр. 405—406).

Таким образом, сквозь ужас капиталистической эксплоатации детского труда, разрушения старых форм семьи Маркс в самом факте привлечения детей и подростков (равно как и женщин) к участию в общественном производстве видит явление прогрессивное, которое будет содействовать установлению высших форм семьи и явится источником развития человеческой личности.

О ЗАПРЕЩЕНИИ ДЕТСКОГО ТРУДА.

Подобно тому, как машины являются фактором прогресса, несмотря на то, что введение их сопряжено с большими бедствиями для рабочего класса, так точно и детский труд, несмотря на все ужасы капиталистического его применения, факт прогрессивный. Бороться надо не с привлечением детей к производительному труду, а с капиталистической эксплоатацией этого труда. Об этом Маркс вполне определенно высказывается еще в другом месте, именно в „Критике Готской программы". По поводу пункта „Запрещение детского труда" Маркс говорит: „Тут необходимо было указать: запрещение до какого возраста. Общее запрещение детского труда несовместимо с существованием крупной промышленности и потому является не более, как благим пожеланием. А если бы и возможно было провести

подобное запрещение, это было бы реакционной мерой, так как, при строгом регулировании рабочего времени сообразно различному возрасту и при соблюдении других мер предосторожности с целью охраны детей, раннее соединение производительного труда с преподаванием является могущественным средством преобразования современного общества".

Уже в 1847 г. эти идеи были высказаны Марксом и Энгельсом в их знаменитом „Коммунистическом Манифесте". По мнению авторов манифеста, пролетариат, достигнув политического господства, должен принять немедля ряд мер, направленных ко благу общества.

В числе этих мер должно быть:

„Общественное и даровое воспитание всех детей. Устранение фабричной работы детей в современной ее форме. Соединение воспитания с материальным производством и т. д.

„Может быть,—говорится в манифесте,—вы упрекнете нас в том, что мы хотим прекратить эксплоатацию детей родителями. Мы заранее сознаемся в этом преступлении.

„Вы утверждаете, что, стремясь заменить домашнее воспитание общественным, мы хотим уничтожить самые дорогие человеку отношения.

„А разве теперешнее воспитание не находится под влиянием общества? Разве не определяется оно общественными отношениями, прямым и косвенным вмешательством общества, организацией школ и т. д.? Не мы выдумали влияние общества на воспитание: мы только стремимся изменить характер воспитания, устранить влияние на него господствующего класса.

„...Буржуазные разглагольствования о семье и воспитании, о нежных отношениях родителей к детям

внушают тем более отвращения, чем более разрушаются все семейные связи в среде пролетариата, благодаря крупной промышленности, и чем более дети рабочих превращаются в простые товары и рабочие инструменты".

Необходимость изменения современного воспитания в указанном направлении (соединение воспитания с материальным производством) Маркс ставит в тесную связь с необходимостью уничтожения существующего разделения труда в обществе.

При натуральном хозяйстве деятельность производителя была весьма разнообразна.

В период, когда ремесло и мануфактура стали господствующими формами производства, отдельные отрасли производства еще не обособились. Деятельность производителя стала менее разнообразна, она специализировалась. Каждое ремесло, путем долгого опыта, вырабатывало свойственную ему техническую форму, медленно усовершенствовало ее и передавало из поколения в поколение. Распадение производства на отдельные, обособившиеся, отрасли создавало и закрепляло разделение труда в обществе. До самого XVIII века ремесла назывались мистериями (тайнами). Это название показывает, как трудно было проникнуть непосвященному человеку в тайны ремесла и какие перегородки существовали между отдельными производствами. Крупная промышленность сломала эти перегородки. Стремясь повысить производительность труда, крупное производство старалось ввести разделение труда в мастерской, разложить каждый процесс производства на его составные части. Чтобы выполнять отдельную часть процесса, не нужно уже было специальной профессиональной подготовки. Разложение процессов производства на составные части

сделало возможной научную технологию. Научная технология ко всем процессам производства применяет данные науки, этим вносит единство в эти процессы, постоянно видоизменяет их.

„Современная промышленность никогда не считает и не рассматривает форму какого-либо процесса производства, как окончательную. Техническое основание ее является, таким образом, революционным, между тем как все раньше существовавшие способы покоились на фундаменте, по существу своему, консервативном. Посредством машин, химических процессов и других методов она постоянно производит перевороты в технических основах производства и, вместе с тем, в функциях рабочих и в общественных комбинациях процессов труда. Этим она также постоянно революционизирует разделение труда внутри общества и беспрерывно перебрасывает массы капиталов и рабочих из одной отрасли производства в другую. Природа крупной промышленности обусловливает поэтому перемену труда, постоянную смену функций (занятий) и всестороннюю подвижность рабочего“ („Капитал“, т. I, стр. 403).

Таким образом, самая природа крупной промышленности требует всесторонне развитого рабочего, обладающего общей способностью к труду, политехнической подготовкой, умеющего работать на любой машине, понимающего любой процесс труда.

Между тем, в обществе продолжает еще существовать старое разделение труда. Рабочий, обычно, является выполнителем лишь одной какой-нибудь детальной функции. Это страшно тяжело отражается на нем. Постоянные изменения в процессах производства, которые несет с собой крупная промышленность, каждую минуту

угрожают рабочему потерей работы. Старая машина заменяется новой, и рабочий с своей детальной функцией становится излишним, он выбрасывается на улицу и пополняет собою армию безработных. Для рабочего отсутствие у него общей работоспособности, политехнической подготовки, умения выполнять любую работу несет все ужасы голода и нищеты, для общества — безграничное, бессмысленное расточение сил.

„Сама крупная промышленность своими катастрофами делает для себя вопросом жизни и смерти признание всеобщим законом общественного производства — постоянные перемены в сфере труда и приспособление общественных условий к нормальному осуществлению этого закона.

„Чудовищное явление капитализма, существование нищенского рабочего населения, которое капитал держит в запасе для своих переменчивых потребностей эксплоатации, должно быть заменено абсолютной пригодностью человека к различным требованиям труда. Эта замена становится вопросом жизни и смерти для крупной индустрии. Превращенный в дробь индивидуум, простой носитель частичной общественной функции, должен быть заменен целостно (всесторонне) развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции являются сменяющими друг друга формами приложения его деятельности“ („Капитал“, т. I, стр. 404).

„Одним из стихийно развившихся на почве крупной промышленности моментов этого преобразовательного процесса являются политехнические и агрономические школы, другим — промышленные школы дополнительного образования, в которых дети рабочих получают некоторые познания в технологии и практическом

306 Zu

употреблении различных инструментов. Если фабричное законодательство, вырванное с трудом у капитала, соединило элементарное обучение с фабричной работой, то не подлежит никакому сомнению, что неизбежное завоевание рабочим классом политического господства завоюет в школах для рабочих место теоретическому и практическому обучению технологии" („Капитал", т. I, стр. 404) *).

Те же идеи, что в „Капитале", развивает Маркс и в резолюции, которую он изготовил для первого конгресса I Интернационала (этот конгресс состоялся в 1866 г. в Женеве). В то время Интернационал представлял собой организационный центр молодого, полного энергии, социализма. Интерес к общим проблемам рабочего движения был громадный. Пункт „работа женщин и детей" занял значительную часть прений Женевского конгресса. Этот, казалось бы, чисто экономический вопрос был поставлен очень широко, связан с вопросом воспитания подрастающего поколения и послужил поводом как для самой резкой критики существующей школьной системы, так и для формулировки марксистского идеала воспитания. Принята была

---

*) В примечании к этому абзацу Маркс говорил: „Джон Беллерс, настоящий феномен в истории политической экономии, понимал с полной ясностью еще в конце XVII столетия необходимость уничтожения теперешнего воспитания и разделения труда, вызывающего гипертрофию и атрофию на обоих концах общества, хотя и в противоположном направлении".

Мы имели уже выше случай подробно остановиться на сочинении Джона Беллерса „Предложение основать промышленную школу для изучения всех существующих отраслей промышленности и сельского хозяйства".

резолюция, составленная Марксом. Приводим текст этой резолюции.

„Тенденцию современной промышленности привлекать к участию в общественном производстве детей и подростков обоего пола мы считаем прогрессивной, благодетельной и правомерной, хотя при капиталистическом господстве эта тенденция и принимает отвратительные формы. При разумном общественном строе все дети без исключения, начиная с 9-летнего возраста, должны будут принимать участие в производительном труде; точно так же и никто из взрослых не может быть исключен из того общего закона природы, что человек должен работать, чтобы есть, и не только головой, но и руками. Исходя из этой точки зрения, мы говорим, что ни родители ни предприниматели не могут получать разрешение общества пользоваться трудом детей и подростков иначе, как под условием, чтобы их производительный труд был связан с образованием. Под образованием мы понимаем три вещи: 1) умственное образование; 2) физическое развитие, такое, какое дают гимнастические школы и военные упражнения; 3) политехническое воспитание, знакомящее с общими научными принципами всех производственных процессов и в то же время дающее ребенку и подростку практические навыки в обращении с элементарными инструментами всех производств.

„Дети и подростки от 9- до 17-летнего возраста должны быть разделены на три класса так, чтобы постепенное и прогрессивное обучение было связано с умственным, гимнастическим и политехническим воспитанием. За исключением, может быть, первого класса, расходы на содержание политехнических школ должны частично покрываться продажей сработанных

вещей. Соединение оплачиваемого производительного труда с умственным развитием, физическими упражнениями и политехнической подготовкой поднимет рабочий класс на гораздо более высокий уровень, чем на каком находятся теперь высший и средний классы общества".

ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА ПОДРОСТКОВ [1]).

Граждане и гражданки, члены рабочего класса!

Наши близкие, мужья и братья гибнут на войне, ведущейся и Англией, и Россией, и Францией, и Германией, и Австрией ради интересов капиталистов.

Место их у станков на фабриках и в мастерских заняли женщины и подростки. Жадный до наживы капитал не щадит слабых, неокрепших сил наших детей. Рабочие и работницы знают, как возросло за время войны число работающих на заводах и фабриках подростков, знают, как надрывается их организм на этой работе, в каких ужасных условиях приходится им жить, часто проводя ночи без крова, на улице, скитаясь по чайным, и т. д.

Дети — это наше будущее, это — строители новой жизни, и они гибнут ради интересов капитала.

Мы боремся за то, чтобы положить как можно скорее конец братоубийственной войне.

Мы должны немедля положить конец преступному разматыванию сил подрастающего поколения. Мы не можем ни на минуту откладывать это дело.

Мы ясно видим стоящую перед нами задачу — организовать производительные силы страны. Война поставила перед нами эту задачу, она сделала ее вопросом жизни или смерти. Рабочий класс хочет мира, свободы, хлеба. Он знает, что всего этого не даст народу „ни бог, ни царь и ни герой“ и ни октябристско-кадетское

правительство, что всего этого надо добиться „своею собственной рукой“.

И для этого надо рабочему классу, надо всем трудящимся сорганизоваться, всем, до последнего человека. Эта задача распадается на ряд частичных задач: организовать по-своему, по-пролетарски, с точки зрения интересов народных масс, все области общественной жизни.

Необходимо организовать также труд детей и подростков. И необходимо приступить к этой организации немедленно же.

Мы не можем отказаться от труда детей и подростков. Дети рабочих и крестьян с раннего детства работают и по дому, и в поле, и в мастерской. Не работают только дети людей богатых. Детский труд и труд подростков играет крупную роль в хозяйственной жизни страны. Теперь, когда война так разорила страну, когда требуется напряжение всех сил, чтобы наладить производство, нельзя отказаться от труда детей и подростков. Напротив, рабочие и работницы должны требовать всеобщей трудовой повинности подростков обоего пола от 12 до 16 лет. Мы требовали всегда всеобщего обязательного обучения, мы должны требовать также всеобщего обязательного труда детей. Никакая гимназия, никакое привилегированное положение не должно избавлять от этой обязанности. Освобождать детей от труда так же, как и от школы, может только болезнь.

Всеобщая трудовая повинность подростков является требованием рабочих не только потому, что труд их необходим для страны, но и потому, что труд — великое воспитывающее средство.

50 лет тому назад Маркс в резолюции, написанной им для первого социалистического международного конгресса, настаивал на необходимости соединения

обучения с производительным трудом. Промышленное развитие привело к той же мысли и буржуазных педагогов в Европе и Америке. Они уже около двадцати лет обсуждают этот вопрос. Сотни томов исписаны о том, как благотворно соединение обучения с производительным трудом, как оплодотворяет такой труд самое обучение, как развивающе действует на детей...

Но провести в жизнь коренную реформу школы, превратить школу учебы, где зубрят молитвы и грамматику, в школу труда, которая учит жить и работать, буржуазия не хочет и не может. Сделать это может только пролетариат.

Труд подростков необходим и потому, что только он, и он один, даст возможность каждому мальчику, каждой девочке сознавать себя полезным членом общества. Только труд воспитывает граждан.

Война вплотную подвела к этому вопросу, в громадных размерах усилив капиталистическую эксплоатацию подростков, с одной стороны, создав ряд разумных трудовых организаций учащихся (например, организации учеников средне-учебных заведений, работающих летом под руководством агрономов и обрабатывающих землю запасных), — с другой.

Война показала дорогу, которой надо идти.

Труд подростков должен быть обязателен, но он должен быть о р г а н и з о в а н так, чтобы он не надрывал силы молодежи, а развивал их, чтобы он не отуплял, а давал пищу уму. Для этого он не должен быть чрезмерным, не должен превышать двух-четырех часов в сутки (смотря по возрасту), должен производиться в гигиенических условиях, распространяться только на известные области труда, наиболее подходящие по характеру к применению в них детского труда.

Но кто же организует все это? Министр народного просвещения, или промышленности и торговли? Может быть, вместо проф. Мануилова [2]) надо посадить с.-д. министра?

Нет, никакой министр, будь он самый наилучший с.-д., не в силах провести этого в жизнь. Не проведет этого в жизнь никакая бюрократическая организация старого типа. Осуществить эту меру — организации труда подростков — может только само население. Рабочие организации выяснят, какие работы в их производстве пригодны для выполнения их подростками; организовавшиеся учителя, — которых правильно называли „распыленной демократией“ и которые теперь станут организованной демократией, — придут на помощь рабочим организациям указанием, какие работы наиболее пригодны для детей, с педагогической точки зрения; сами подростки сорганизуются в особые клубы и организации, сами возьмутся за это дело (мы помним стачки подростков-учеников в 1905—1907 гг., знаем, с какой горячностью они переживают теперешнюю революцию, и верим, что им многое удастся сделать в этой области); наконец, выбранная на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права петербургская (или московская, харьковская и т. д.) городская дума поможет объединению всего дела.

Таким путем (подробности и пр. выяснятся в процессе работы) само население организует и распределит труд подростков, без всякого бюрократического вмешательства каких бы то ни было инстанций... Примеры должны показать промышленные центры; пропаганда примером — лучшая пропаганда.

Но как же будет с капиталистической эксплоатацией? Как же будут обходиться фабриканты теперь, когда

взрослые рабочие угнаны на фронт, без труда подростков? Как же смогут работать фабрики и заводы?

Вот тут-то и лежит корень вопроса. Буржуазия всегда будет охранять свои священные права на эксплоатацию. Но рабочие и работницы должны вмешаться в данном случае самым энергичным образом. Необходимо запрещение наемного труда детей и подростков во всех отраслях промышленности до 16 лет.

Фабриканты говорили, что они не могут обойтись без труда малолетних всюду и всегда; однако, когда закон запрещает труд детей до известного возраста или ограничивает его, оказывается, что фабриканты прекрасно обходятся без него. Кроме того, можно организовать дело так, что фабрикант получит возможность пользоваться трудом подростков, но не на условиях наемного труда, а на особых, выработанных рабочими и другими общественными организациями, которые создадутся для этой цели, условиях... Надзор за выполнением этого постановления должно взять на себя опять-таки само население. Не назначения многочисленной фабричной инспекции с крупными окладами, инспекции, состоящей в таком-то ведомстве, ждущей распоряжений и циркуляров от такого-то, хотя бы самым либеральным образом настроенного, начальства должны мы требовать сейчас. Необходимо, чтобы каждый рабочий, каждая работница, каждый гражданин, каждая гражданка следили за выполнением этого постановления, надо, чтобы следили за выполнением его сами подростки. В Германии еще до войны работницы взяли на себя такие функции надзора за выполнением закона о запрещении труда детей школьного возраста до известного часа дня. Никакой фабричный инспектор, никакая фабричная инспектрисса не в состоянии уследить,

чтобы дети не разносили до школы молоко, булки, газеты, чтобы они не работали после школы у себя на дому до глубокой ночи. Но жители дома, которые видят, что делается у их соседей, могут, если захотят, настоять на выполнении закона. И сейчас нужно, чтобы население ясно сознало необходимость проведения в жизнь закона о запрещении наемного труда детей до 16 лет и взяло на себя надзор за выполнением этого постановления.

Но, скажут нам, предлагая такую меру, вы забыли главное: чем будут жить все эти подростки, которых гонит на фабрику жестокая нужда и которые будут обречены на голодную смерть, если будет осуществлен ваш „радикальный" проект о запрещении детского труда? Нет, мы этого не забыли. Мы знаем, что для того, чтобы не умереть с голоду, наши дети вынуждены не только продавать свою неокрепшую рабочую силу, но девочки-подростки зачастую вынуждены продавать свое тело. И мы хотим положить этому конец. Необходимо, чтобы, наряду с запрещением наемного труда подростков и введением обязательного труда их в другой форме, каждому подростку было обеспечено право на пищу, одежду и помещение.

Но, ведь, это утопия, это коммунизм какой-то. Где взять на это средства?

Да, утопия, если это дело организовать бюрократическим путем. Но не утопия, если за дело возьмутся рабочие и учительские организации, организации самих подростков, население, новое демократическое самоуправление.

На съезде по семейному воспитанию одна женщина-врач рассказывала, как она ездила по деревням и организовывала ясли. Потребности в яслях, в „детских

харчевнях", как их называли крестьяне, так велика, что в некоторых яслях набиралось до 250 малышей. И организаторша умела так поставить дело, так сорганизовать малышей и детишек постарше, что уход за 250 детьми, их кормежка требовала сил лишь одной кухарки и одной фребелички-садовницы...

Голодание школьников давно уже заставило учителей работать над организацией горячих школьных завтраков (школьных приварков); по этой части у них не малый опыт.

Учителя поделятся своим опытом с рабочими организациями, возьмутся за дело рабочие кооперативы, возьмутся за дело сами подростки... Война и тут многому научила. Приходилось кормить и устраивать детей беженцев и запасных. Новая городская дума поможет приспособить для детских общежитий дворцы, разные „казенные квартиры" бывших министров и т. п. здания. Средства на содержание детей будут поступать в значительной мере, как оплата детского труда, громадное удешевление получится правильной организацией дела, часть будет покрываться из общественных сумм. Может быть, лишь вначале, при налаживании дела нужны будут эти общественные суммы.

Буржуазия тратит миллиарды на войну, она организует довольствие миллионов солдат, нужных ей для истребления „внешних врагов".

Пролетариат борется за организацию охраны жизни и сил подрастающего населения, в котором все его будущее.

Итак, перед пролетариатом стоит сейчас задача провести:

1) обязательный труд подростков обоего пола от 12 до 16 лет;

2) организацию этого труда, принимая во внимание потребности общественного производства, с одной стороны, интересы здоровья и развития подрастающего поколения, с другой;

3) полное запрещение наемного труда детей и подростков от 12 до 16 лет;

4) организацию продовольствия детей этого возраста.

Сделать это может лишь пролетариат, при поддержке демократических слоев населения. Дело это неотложно. Необходимо охранить от истощения, от вырождения то поколение, пред которым стоит великая задача коренного преобразования всей общественной жизни.

„Правда", № 34 от 16/IV 1917 г.
Первая статья по приезде из эмиграции.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1]) Если сравнить данную статью с последующими, то бросается в глаза известное противоречие между ними. В данной статье говорится об уничтожении наемного труда для подростков до 16 лет и замене наемного труда трудом организованным в учебных целях; в дальнейших статьях, после более близкого знакомства с положением движения и с развертывающимися возможностями, говорится уже не об отмене наемного труда для подростков, вообще, а лишь об охране и регулировании его. Путь к замене наемного труда другими формами труда не так короток, как казалось в первый момент. Замена капиталистических форм труда — труда наемного — формами социалистическими может явиться лишь в результате длительной борьбы, перестройки всего общества на новых началах (примечание Н. К. Крупской).

[2]) Мануилов, А. А., профессор, кадет. — В первом составе Временного правительства был министром народного просвещения. Ушел из правительства вместе с Милюковым. Сейчас — член правления Госбанка.

БУКВА ЗАКОНА.

Фабрики, заводы, промышленные и торговые заведения эксплоатируют труд подростков. Закон должен оградить молодые силы от эксплоатации. Как это сделать? Можно или издать ряд законов, ограждающих труд подростков, или же вовсе запретить их труд.

По поводу запрещения труда подростков К. Маркс писал в „Капитале", что, когда говорят о запрещении детского труда на фабриках и заводах, надо точно указывать, до какого возраста, ибо полное запрещение заводского и фабричного труда подростков при капиталистическом строе было бы р е а к ц и о н н о. Почему же Маркс считал это запрещение реакционным? Да по той же самой причине, почему он считал реакционным запрещение женского заводского труда.

На разных съездах добродетельные пасторы и господа консерваторы требовали, во имя ограждения семейного очага, полного запрещения заводского труда женщин. Предназначение женщины-де — варить мужу обед, чинить ему белье, заботиться о домашнем уюте, няньчить детей, а не торчать целыми днями в мастерской. Что отвечали им на это социалисты? Они говорили: „Ваши речи, служители церкви и господа помещики,— сплошное лицемерие. Разве вы не знаете, при каких условиях живут в настоящее время рабочие? Разве вы не видали сырых подвалов, темных, тесных помещений, углов, в которых ютятся рабочие? Не видали

их голодных, бледных детей? Не знаете, что их отец видит свою семью только ночью? Не знаете, что его жена для того, чтобы подкормить детей, вынуждена брать первую попавшуюся работу: стирку, шитье, набивку папирос, клейку коробок и пр., и что, работая у себя на дому, она подвергается не меньшей эксплоатации, чем на фабрике и заводе?" Мы, социалисты, против запрещения заводского труда женщины, потому что видим не только дурную сторону заводского труда, но и его хорошую сторону. Работа на заводе делает женщину в материальном отношении независимой от мужа и тем освобождает ее от семейного деспотизма; работа на заводе расширяет кругозор женщины, пробуждает в ней чувство солидарности, понимание задач рабочего класса. Освобождение рабочего класса немыслимо без приобщения женщин к фабрично-заводскому труду. И потому социалисты не против запрещения женского труда, вообще, а лишь за ограждение женщин от особо тяжелых форм эксплоатации (ночной труд, труд в опасных для здоровья отраслях производства и пр.). Все то, что относится к женскому труду, целиком относится и к труду подростков. У нас в России за время войны заводской труд подростков возрос в очень значительной мере. И заводская жизнь воспитывала молодежь: она будила в них веру в свои силы, воспитывала в них чувство братской солидарности. Во время революции они были в первых рядах. На Марсовом поле клялись они под своими красными знаменами с революционными надписями умереть в борьбе с буржуазией, защищать свободу ценою жизни. И они честно исполнили свою клятву. В Октябрьские дни они переполнили собой ряды Красной гвардии. Всюду, где нужна самоотверженная работа, они были в первых рядах. Товарищи, взрослые рабочие!

Чем платите вы своим товарищам-подросткам, которые связали себя с вами узами братской солидарности?

Вы проводите запрещение труда подростков до 16 лет, и большинство из вас искренно думает, что вы проводите очень радикальную меру, что вы ограждаете раз навсегда подростков от эксплоатации. Центральная больничная касса приняла, например, решение рассчитать всех девочек до 16 лет, служащих в больничных кассах. Товарищи, что вы делаете? Разве можно держаться за букву закона, совершенно упуская из виду ее дух? Ведь, каков дух закона об охране детского труда? Охрана молодых сил. А ваше постановление об упразднении труда подростков ведет к чему? К охране этих сил?

Вы знаете, не можете не знать, вы каждую минуту испытываете это на себе, какое трудное время переживает рабочий класс. Теперь приходится ему расплачиваться горше всего за империалистическую войну, разрушившую всю промышленность страны, приспособившую ее целиком к потребностям военного времени. Товарищи, вы сделали страшно много для того, чтобы положить конец братоубийственной бойне. Но демобилизация промышленности, переход промышленности на другие рельсы в момент общей разрухи не может совершиться безболезненно: он связан с безработицей, с тяжелыми лишениями, со всякого рода затруднениями. Изжить этот тяжелый период демобилизации рабочий класс может наиболее безболезненно лишь тогда, когда он проявит чудеса братской солидарности и организованности, когда его кличем будет не „Спасайся, кто может“, а „Все за одного, один за всех“. Вы это прекрасно знаете, товарищи. И посмотрите, что вы делаете? Вы, в первую голову, рассчитываете подростков, вы дарите их запрещением труда подростков. Разве вы охраняете

этим их силы? Нет, вы взваливаете на их неокрепшие юные плечи всю тяжесть безработицы, бесприютности.

Третьего дня ко мне пришли девочки, рассчитываемые из больничных касс, где их никто не эксплоатировал, и, волнуясь, спрашивали, что делать с этой выбрасываемой на улицу рабочей молодежью, пока... их не рассуют куда-нибудь по приютам. Как оставить девочек на улице? И от этой фразы: „Куда деть, пока не „рассуют по приютам", повеяло таким ужасом, что захотелось крикнуть: „Товарищи, что вы делаете? С которых пор рабочие стали фарисеями?"

Приходит молодежь из Социалистического Союза Молодежи и жалуется, что организация рабочей молодежи распадается, что рабочая молодежь теперь не на фабриках, а сидит по трактирам, что среди нее, рассеянной, разъединенной, нельзя вести больше агитации, что молодежь опускается, не ходит на лекции, что лучшие элементы — бывшая краса Социалистического Союза — уходят к анархистам... Это все последствия того, что рабочую молодежь рассчитывают с заводов, в первую голову.

Запрещение труда подростков не реакционно будет лишь тогда, когда государство в состоянии будет обеспечить каждому подростку кров и пищу не как подаяние, а как право; когда для подростков будет достаточное количество школ; когда будет организован общественный производительный труд подростков, а пока, упраздняя фабрично-заводской труд подростков, вы обрекаете их на голод, на безработицу, на худшую эксплоатацию — на хулиганство, на проституцию. Более сильные, охраняйте более слабых. Дети—наше будущее.

„Правда", № 17 от 5/II 1918 г.

ОБ ОТМЕНЕ ДЕТСКОГО ТРУДА.

Моя статья „Буква закона“, помещенная в „Правде“ от 5 февраля 1918 года, вызвала неудовольствие некоторых товарищей, которые заявили, что статья мешает проводить в жизнь запрещение детского труда, так, как все-де на нее ссылаются, и потребовали даже обсуждения этого вопроса в ПК РСДР партии. Я очень рада, что на этот вопрос удалось обратить внимание. Правда, у нас в программе стоит запрещение детского труда до 16 лет*). Но этот пункт ошибочен, и данный момент как нельзя более иллюстрирует его ошибочность. Помещение этого пункта объясняется недосмотром (он и формулирован небрежно: дети до 16 лет называются детьми „дошкольного возраста“). Во всяком случае, этот пункт резко расходится с точкой зрения на этот вопрос Маркса. Вот что пишет он по этому поводу в „Критике Готской программы“. Пункт — „Запрещение детского труда“.

„Тут было безусловно необходимо указать, до какого возраста.

„Запрещение детского труда, вообще, несовместимо с существованием крупной индустрии и потому представляет собою лишь пустое благочестивое пожелание.

„Но даже если бы оно и было возможно, проведение его было бы мерой реакционной, так как, при строгом

---

*) Речь идет о старой программе РСДРП.

регулировании рабочего времени сообразно разлчиным возрастам и другим мерам охраны детского труда, раннее соединение производительного труда с обучением представляет могучее средство преобразования современного общества".

Немецкие профессора,а с их легкой руки, и всякого рода оппортунисты, беря за основу ту правильную мысль, что в основе общественного развития лежит развитие производства, стараются изобразить дело так, что общественное развитие все только и сводится к какому-то самодовлеющему механическому процессу производства. По их мнению, люди, их сознание, их борьба тут совершенно не при чем, все делается само собой, производство все больше и больше развивается, мелкие предприятия объединяются во все более крупные, которые организуются затем в монополии; когда этот процесс разовьется до того, что все производство будет представлять, в сущности, одно колоссальное, великолепно организованное предприятие, это и будет социализм. Конечно, такое изображение дела в корне ошибочно. Это все равно, как если бы показать сухой мертвый скелет и сказать: „Вот это—полный жизни человек, горячо и страстно чувствующий, волнуемый тысячами мыслей, умеющий любить и ненавидеть, бороться за счастье и разумную жизнь".

Маркс далек был от такого убогого понимания развития общества. Он и Энгельс показали, как тесно связана экономика с политикой. Путем мастерского анализа они показали, как определенная ступень развития техники влияет на формы производства, как под их давлением складываются известные правовые и государственные нормы; показали, как экономика, со всеми юридическими и политическими надстройками, отражается на психологии

людей, на их мировоззрении. Особенно детально показали они, как условия труда на крупных фабриках и заводах перерождают всю психику прежнего рабочего-ремесленника, воспитывая в нем чувство классовой солидарности, пробуждая революционный дух, выковывая классовое самосознание. Маркс постоянно подчеркивал, что движущей силой преобразования общественного строя является человек. Но человек для Маркса не был чем-то неизменным, одинаковым во все времена; он показал, как постоянно, под влиянием изменяющихся условий производства и общественных форм жизни, преобразуется сам человек. Пролетарий первоначальной эпохи развития капитализма — далеко не то, что пролетарий позднейшего времени. Необходимой предпосылкой социализма является человек, способный осуществить социализм.

У нас очень часто забывают эту сторону дела и понимают социализм чересчур механически, видя лишь одну сторону дела — экономику — и совершенно упуская из виду другую сторону дела — подготовку соответствующего человеческого материала. Эту последнюю сторону дела никогда не забывал Маркс. Вот почему он и придавал такое громадное значение воспитанию подрастающего поколения, так много уделял этому внимания. Он считал и неоднократно говорил, что воспитание является могучим рычагом преобразования существующего строя.

Но как понимал Маркс воспитание? Основу его он видел в производительном труде, в тесном единении молодежи с рабочей жизнью, с развивающимся рабочим движением. Оторвать подростка от работы на заводе и фабрике, где выковывается его понимание жизни, его классовое самосознание, где он проникается чувством

классовой солидарности, и бросить его в эгоистическую атмосферу замкнутой семьи или в затхлые стены школы, оторванной от жизни, значит затормозить дело подготовки годного человеческого материала. Вот почему Маркс так решительно высказался против запрещения детского труда. Но он хотел, чтобы детский производительный труд был связан с обучением. Рабочим нужны знания, так как знание — великая сила, и этой силой хотел вооружить Маркс рабочую молодежь. Правда, говоря о нежелательности запрещения детского труда, Маркс не хотел сохранения данной формы фабричного труда детей. Данная форма — несложный, однообразный, чисто механический труд. Такой труд притупляет. Но детский фабричный труд мыслим и в другой форме. Так, например, в Англии и Германии труд подростков в некоторых предприятиях организован так: каждый подросток в течение нескольких лет своего заводского ученичества, во время которого он получает жалованье за свой труд, работает не одну какую-либо механическую работу, а выполняет целый ряд работ все возрастающей трудности, переходя при этом из одной мастерской в другую и изучая производство в целом.

Параллельно с этим, ученики изучают в школе математику, физику, механику, черчение, товароведение, коммерческую географию, политическую экономию. Изучение практической работы тесно связано с теоретическим осмысливанием ее. Такая заводская работа не притупляет молодежь, а действует на нее в высшей степени развивающе. Вот почему Маркс в „Коммунистическом манифесте“ говорит об „устранении фабричной работы для детей в современной ее форме“.

Эта фраза и дала, вероятно, повод вставить в программу „запрещение детского труда до 16 лет“, при чем совершенно не обратили внимания на то, что Маркс говорит тут не о запрещении детского труда (что совершенно противоречит его точке зрения, наиболее ярко выраженной в „Критике Готской программы“, но достаточно ясно развитой и в „Капитале“ и в Женевской [1]) резолюции), а лишь о современной форме его.

Мы в России переживаем период диктатуры пролетариата. Рабочие имеют полную возможность провести в жизнь меры, которые бы подготовили из рабочей молодежи людей, способных осуществить социализм.

Какие же меры надо было принять по отношению к детскому труду?

Надо было:

1) сократить рабочий день подростков и принять другие меры охраны труда;

2) целесообразно организовать труд подростков;

3) приложить все силы к тому, чтобы немедля же были устроены при заводах школы для подростков, где обучение было бы связано с производительным трудом.

Шестичасовой рабочий день для подростков уже был проведен на многих металлических заводах явочным порядком.

На некоторых заводах, например, на заводе Эриксон была уже разумная организация труда подростков.

Заводские школы уже существовали при многих заводах, но дело там было поставлено из рук вон плохо. Надо было эти школы преобразовать (на зав. Феникс, например, была даже разработана программа такой новой школы).

Комиссариату Труда надо было только обобщить все эти попытки, издать соответствующие декреты,

равно как и декрет об обязательном посещении школ подростками.

Комиссариат по Просвещению, с своей стороны, еще 30 ноября отправил в Комиссариат Труда нужные декреты. Просьба эта была, однако, оставлена без внимания, а теперь подростков в спешном порядке выкидывают с фабрик и заводов, ссылаясь на необходимость запрещения детского труда.

Печальное недоразумение, которое может тяжело отразиться на рабочем движении.

„Правда", 20/II 1918 г.

ПРИМЕЧАНИЕ:

[1]) Женевская резолюция — резолюция о детском труде конгресса I Интернационала в Женеве в 1866 г., составленная Карлом Марксом (на самом конгрессе Маркс не присутствовал). Содержание резолюции — см. „Маркс и Энгельс о детском труде".

В КОМИССАРИАТ ТРУДА *).

Отдел по внешкольному образованию при Комиссариате по Просвещению, рассматривая вопрос о внешкольном образовании рабочей молодежи, пришел к заключению, что для успешного проведения занятий с подростками, работающими на фабриках и заводах, нужны следующие меры:

1) обязать фабрикантов, заводчиков, владельцев ремесленных и торгово-промышленных заведений предоставить работающим у них подросткам обоего пола до 18 лет возможность два часа ежедневно посвящать занятиям в школе за счет рабочего времени (к тем предприятиям, где подростки работают лишь 6 часов, этот пункт не относится);

2) обязать владельцев крупных предприятий устроить при них и оборудовать школы для подростков;

3) обязать фабрикантов, заводчиков, владельцев ремесленных заведений организовать работу подростков таким образом, чтобы она имела не отупляющий, а развивающий характер. Для этого необходимо, чтобы дело было организовано так, чтобы подросток переходил постепенно из одной мастерской в другую, и, таким образом, знакомился бы со всем производством в целом. Так поставлено дело на многих заводах в Англии, в Германии, даже у нас (например, на заводе Эриксона).

---

*) Конец письма не сохранился. Проект написан рукой Н. К.

Провести эту меру в жизнь могут помочь заводские комитеты и профессиональные союзы, если будет обращено их внимание на эту сторону дела. Для общего же развития молодежи это имеет громадное значение;

4) необходимо, чтобы подросткам обоего пола давались ежегодно в летнее время отпуска на 1½—2 месяца для участия в сельско-хозяйственных трудовых дружинах, каковое участие необходимо для всестороннего развития молодежи.

30 ноября 1917 г.

ШКОЛА УЧЕБЫ И ПРИЧИНЫ ЕЕ УПРОЧЕНИЯ.

Идея соединения обучения с производительным трудом, так энергично выдвигавшаяся в конце XVIII и начале XIX века, очень быстро была сдана в архив. О ней заговорили вновь лишь в последнее десятилетие XIX столетия.

Тем временем школа стала синонимом книжной школы, школы учебы, в которой ученики смирно сидят на партах и слушают, что говорит на кафедре учитель, — школы, где ничего не преподается, кроме книжных знаний, имеющих очень слабое отношение к живой действительности, где индивидуальность учеников всячески подавляется, и путем строгой внешней дисциплины они превращаются в какие-то машины для восприятия бесконечного числа сообщаемых им сведений.

Об этом красноречиво рассказывает в своей брошюре „Школа будущего" член швейцарского национального совета Шенкель.

Шенкель — учитель в Винтертурском техникуме, и перед его глазами проходят сотни учеников, окончивших народную школу. На основании своих наблюдений, он утверждает, что ученики, пробывшие в школе 8—9 лет, кончившие так называемую высшую народную школу, обнаруживают прямо чудовищную неспособность в двух-трех предложениях связно изложить самую простую мысль, совершенно не умеют ни наблюдать ни самостоятельно думать. Особенно ярко этот

недостаток выступает при изучении естественных наук: ученики не в состоянии сделать вывод из самого простого опыта, проследить зависимость между различными стадиями опыта, вывести и определить закон соответствующего явления.

Заинтересовавшись вопросом, как отзываются недостатки современной школы на практической жизни, Шенкель предпринял по этому вопросу целую анкету, расспрашивал крестьян, рабочих и торговцев и пр. На основании этой анкеты, он говорит: „Молодые люди, являясь из школы на фабрику или мастерскую, не в состоянии управлять каким бы то ни было самым простым инструментом; их приходится с большим трудом выучивать сначала каждой самой простой манипуляции. Это нечто в высшей степени противоестественное, так как маленькие дети, внимательно следя за действиями взрослых, подражая их движениям, очень легко научаются любой манипуляции.

„В бюро и конторе говорят то же, что на фабрике и в мастерской. Обычно, молодые люди не в состоянии самостоятельно составить самое простое письмо. Правда, они могут механически вычислять по данному шаблону, но думать при этом они не в состоянии. В деревне юноши, учившиеся в городе, являются предметом горя и неудовольствия для крестьян: они не умеют даже держать в руках никакое орудие труда, а не то что работать.

„И это в стране Песталоцци!“ — горестно восклицает автор.

Тот же результат посещения школы отмечает и директор Фрибургского техникума Леон Гену (Léon Genoud) в своей книге “L'enseignement professionnel“:

„Нормальная программа начальной школы отклонилась от своей цели. Она сделалась слишком теоретичной

и отвлеченной, и молодежь, повидимому, потеряла вкус к ручному труду и физической деятельности" (стр. 408).

То же, в большей или меньшей мере, относится и к школьному воспитанию других европейских стран.

Каковы причины того, что школьное дело не пошло по пути, указанному Песталоцци, Оуэном, а пошло по пути Ланкастерской системы механического обучения чтению, письму и другим элементарным знаниям?

Основная причина — в той фазе промышленного развития, какую переживали европейские государства в XIX веке. Научная технология заменила ручной труд машинным. Но вначале машина, упростив человеческий труд до выполнения несложных манипуляций, обучиться которым мог каждый в самое короткое время, не сделала ненужным человеческий труд, она только превратила рабочего из самостоятельного работника в придаток машины. Техника капиталистической промышленности XIX века сузила спрос на квалифицированный труд, каковым был труд ремесленника, и повысила спрос на простой, неквалифицированный труд. Нужен был не умелый, понимающий весь процесс в целом, инициативный, самостоятельный рабочий, нужен был послушный, исполнительный, необученный чернорабочий, от которого не требовалось ни особенной физической силы, ни сообразительности, ни искусства, а только аккуратность, выдержка, терпение, выносливость.

Такого рабочего, аккуратного, исполнительного, послушного, и воспитывала школа учебы. Такая школа, на той стадии капиталистического развития, которую переживала Европа в XIX веке, не противоречила потребностям капиталистического производства, хотя,

конечно, противоречила интересам рабочих. Но рабочие были очень плохо организованы, еще слишком слабы, чтобы суметь обеспечить себе такую школу, какая им была нужна, да и не в этом направлении была заострена их борьба.

II

ТРУДОВАЯ ШКОЛА

УПАДОК УЧЕНИЧЕСТВА, КАК ЗНАМЕНИЕ ВРЕМЕНИ.

Школа учебы не развивала в детях общей трудоспособности, но и вне школы ученику становилось все труднее приобрести знания и умения, необходимые для выполнения сложного труда квалифицированного рабочего.

Раньше общие трудовые навыки давала семья. Семейная жизнь была связана с обширной разносторонней трудовой деятельностью. Ребенок с раннего детства наблюдал работу членов семьи и сам принимал в ней посильное участие. Теперь характер семейной жизни, ее уклад, изменился: работа производилась вне дома, отец уходил на целый день куда-нибудь на мануфактуру или фабрику, иногда уходила на работу и мать.

Раньше дети, большею частью, учились ремеслу своего отца тут же в его мастерской, под его надзором. Если подросток почему-либо хотел изучить другое мастерство, он поступал в ученье к мастеру, становился как бы членом его семьи. Цех наблюдал за тем, чтобы мастер обучал, как следует, ученика, и, вообще, регулировал отношения между мастером и учеником.

Теперь все в корне переменилось. На фабрику стали брать детей и подростков, ничего не умеющих делать. На фабрике или мануфактуре подросток в течение очень короткого времени научался выполнять ту несложную работу, которая от него требуется: подкладывать под машину листы, связывать рвущуюся нитку и т. п.

Обучение этим простым манипуляциям нельзя назвать профессиональным обучением и, вообще, подготовкой к трудовой деятельности: такого рода механическая работа не воспитывает общей работоспособности и не дает никакой специальной подготовки. Возможность для подростка, без предварительного обучения, сразу же поступить на платное место заставляет громадное большинство родителей хвататься за это средство и хоть немного пополнить скудный бюджет семьи. Позволить себе роскошь отдавать своих детей на 3—4 года в ученики для изучения профессии может сравнительно небольшой слой лучше поставленных рабочих.

Но и самое обучение у мастера изменило свой характер. Положение ремесла стало другое, менее устойчивое. Прижимаемый к стене конкуренцией с крупной промышленностью, ремесленник вынужден удлинять свой рабочий день, работать наспех, понижать свой жизненный уровень. Нередко он выдерживает конкуренцию только благодаря эксплоатации ученического труда, заставляя учеников выполнять чисто механическую работу, которая мало чем отличается от фабричной работы, или употребляя их для посылок и домашних работ. При таких условиях ученики мало чему научаются.

Во многих отраслях производства изменился самый характер ремесла. Ремесленник изготовляет уже не весь предмет целиком, а лишь ту или иную часть его, или же занимается сбором или окончательной отделкой изготовляемых машиною частей. Работа сильно механизируется, приближается по своему характеру к работе на мануфактуре.

Благодаря этому, и профессиональное обучение значительно суживается, специализируется. Но даже если и нет всех этих отрицательных сторон, учение у мастера

подготовляет, в лучшем случае, к работе в мелкой мастерской. Между тем, ремесло в производстве играет все меньшую роль. Громадному большинству учеников приходится потом работать на фабриках и заводах при совершенно иных условиях, и к этой работе работа в мастерской ремесленника может подготовить лишь в очень недостаточной мере.

Раньше изучение ремесла гарантировало ученику верный кусок хлеба в будущем. Теперь положение обученного рабочего столь же непрочно, как и необученного. Изобретение новой машины, новых способов обработки и пр. может сделать излишней всю профессию, и рабочий, затративший годы на профессиональную подготовку, вынужден искать какую-нибудь другую работу, к которой он оказывается совершенно неподготовленным.

„Кризис ученичества стал, так сказать, мировым фактом“,—пишет Коэнди (Cohendi) в своей статье „Ученичество“.

„...Анкета (речь идет об анкете 1902 г., предпринятой во Франции „Постоянной Комиссией Высшего Совета Труда“ совместно с „Дирекцией Труда“) констатировала упадок ученичества и понижение профессиональной подготовки учеников, явившееся следствием этого упадка. В некоторых отраслях промышленности не существует ученичества: рабочие, как правило, набираются из рядов подручных. С другой стороны, даже в тех отраслях промышленности, где еще существует ученичество, оно уже не то, чем должно было бы быть, т. е. всесторонней полной подготовкой, теоретической и практической, к профессии.

„...Известны многочисленные причины, способствовавшие исчезновению ученичества. Стремление со стороны

детей и их семей получить немедленный заработок, развитие крупной промышленности, которая не позволяет более мастеру заниматься с учениками, машинизм, специализация работы, разлагающая ее на отдельные задачи, на серию актов, настолько простых, что достаточно нескольких недель, чтобы выучиться управлять машиной и выполнять часть ремесла, обеспечивающую заработок, — все эти причины, вместе взятые, должны были повести за собой прогрессивный упадок и исчезновение ученичества. Исчезновение ученичества в значительном числе промыслов является в настоящее время фактом неоспоримым. Упадок ученичества — это понижение технической подготовки рабочего, благодаря чему все его будущее серьезно ухудшается".

Лафарг в „Grande Encyclopédie" пишет:

„В настоящее время ученичество теряет совершенно свой семейный характер и почти совершенно свою полезную сторону. Нет совсем почти учеников, которые „учатся". Если ученик не является неизбежным дополнением инструмента, додатком машины, он ни на что другое не употребляется, как на посылки".

ПРОГРЕСС ТЕХНИКИ.
НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЭТОЙ ОБЛАСТИ.

И школа учебы и упадок ученичества действовали в одном направлении — понижали общую трудоспособность, общую техническую подготовку рабочего.

Это могло продолжаться лишь до тех пор, пока промышленность не нуждалась в значительном числе рабочих, обладающих теоретической и практической подготовкой к техническому труду.

Но за последнее время техника сделала колоссальные успехи. И прогресс техники отразился на характере спроса на рабочие руки. В отраслях промышленности, где введены самые усовершенствованные машины, употребляются усовершенствованные процессы производства, уменьшается спрос на необученных рабочих и увеличивается спрос на политически образованных, самостоятельных, инициативных рабочих. Об этой новой тенденции промышленного развития подробно говорит в своей интересной работе Отто Каммерер (Otto Kammerer — „Ueber den Einfluss des technischen Fortschrittes auf die Produktivität". 1910. Schriften des Vereins für Socialpolitik, № 132). „В первой половине XIX столетия машины были так еще технически несовершенны, что требовали очень много со стороны человека ручного труда. Во второй половине того же столетия машины развиваются в направлении, стремящемся сделать независимым (от ручного труда) не только главное движение машины,

но и добавочные, подсобные движения; до сих пор было нужно все же еще очень много подсобного ручного труда“ (стр. 413).

Под давлением повышения заработной платы, стачек, „за последнее десятилетие (работа Каммерера вышла в 1910 г.) развитие машиностроительства характеризуется усиленным стремлением строить машины так, чтобы обслуживание их требовало немногих, но интеллигентных и высоко оплачиваемых рабочих сил“ (стр. 413—415).

Каммерер отмечает ряд производств (главным образом, в области тяжелой индустрии), где осуществился этот процесс, при чем приводит для каждой отрасли производства точные данные, насколько, после введения той или иной машины, увеличился спрос на интеллигентных рабочих и сократился спрос на подручных.

Этой тенденцией не затронуты еще многие отрасли промышленности, процесс только начинается, но наличность его, тем не менее, несомненна.

„Техническое развитие, в конце концов, всегда приводит к вытеснению необученных рабочих.

„Это развитие выдвигает основную идею машинной техники: применение человеческой силы не в качестве мускульной машины, а в качестве мыслящего существа. Главным средством осуществления этой идеи является электрическое распределение силы“ (там же, стр. 424).

„Знакомство с новейшим развитием машинной техники заставляет признать самой характерной чертой сделанного в последнее время прогресса стремление, при содействии электрического распределения силы, так усовершенствовать машины, чтобы они не только выполняли свою основную задачу—ускорение движения или приведение в движение инструмента, но, сверх того,

сами выполняли бы все хватательные и подсобные движения. Развитие, следовательно, не заключается, как часто это считают, в привлечении все большего числа рабочих к работе при машинах. В действительности, наоборот, необученные рабочие все больше выбрасываются из промышленности, их место занимает меньшее число высоко ценных рабочих, обладающих необходимой интеллигентностью и специальным образованием, необходимыми для того, чтобы понимать усовершенствованные машины и уметь правильно ими управлять.

„Если в первое время оказавшиеся в одной области излишними необученные рабочие, в силу расширения производства, и могут найти себе занятие в другой отрасли промышленности, то современем прирост необученных рабочих может быть лишь очень незначителен, тогда как потребность в обученных рабочих будет постоянна и будет возрастать. Поэтому современем подготовка умелых рабочих будет иметь большее значение, чем страхование на случай болезни и старости, так как необученный рабочий будет так же мало пригоден, как больной. Государство, которое так или иначе не будет заботиться о том, чтобы подрастающее поколение получало специальную подготовку, в будущем очутится, может быть, в таком же затруднительном положении, в каком очутилось бы государство, пославшее деревянные суда с пушками, заряжающимися с дула, в бой с панцырными линейными судами со скорострельными орудиями“ (там же, стр. 425).

Потребность увеличить контингент интеллигентных, технически образованных рабочих стала уже вполне отчетливо сознаваться передовыми капиталистическими государствами, и особенно сильно теми, где техника

за последнее время сделала гигантские успехи, ближайшим образом — Северо-Американскими Штатами и Германией.

В последнее время правительства принимают лихорадочные меры к тому, чтобы создать достаточно обширные кадры квалифицированных рабочих.

Толкают к этому правительства и потребности милитаризма.

Мировая война как нельзя красноречивее показала, какое громадное значение имеет техническая сторона дела, усовершенствованные орудия, организация промышленности, многочисленность хорошо подготовленного технического персонала.

И вот эта-то потребность промышленности, вообще, и, в частности, военной, во всесторонне подготовленном, интеллигентном рабочем заставила капиталистические страны обратить серьезное внимание на организацию технического образования, а в связи с этим, на реорганизацию всего школьного дела: на превращение школы учебы в школу труда.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. РОСТ ЕГО. ИЗМЕНЕНИЕ ЕГО ХАРАКТЕРА.

Упадок ученичества вредно отразился на многих отраслях промышленности, особенно тех, которые были еще слабо вовлечены в крупное производство и носили полуремесленный, полухудожественный характер.

Так, во Франции, например, анкета 1902 г. документально установила, что упадок ученичества крайне вредно отозвался на целом ряде производств. Ученичество играло раньше большую роль во Франции, которая побеждала на мировом рынке, главным образом, совершенством и художественной отделкой своих продуктов.

То же явление наблюдалось и в других странах. Чтобы поддержать национальную промышленность, правительства и частные лица стали устраивать промышленные и ремесленные школы, имевшие целью дать ученикам то профессиональное образование, которое раньше они получали в мастерской ремесленника. Часто эти школы ставили своей целью прямо поддержку мелкого производства.

Так, в Австрии в 40-х годах прошлого столетия образовалась „Национальная лига промышленников". В 1847 г. она организовала первую выставку ученических работ своей школы. В уставе этой выставки говорится, между прочим: „Молодой рабочий, желающий обеспечить свое будущее, должен употребить время своего ученичества на основательное изучение своего ремесла, чтобы быть

в состоянии устоять в борьбе, которую ведет мелкое производство, и удержать свою позицию в конкуренции между ручной и машинной работой, между национальной и иностранной промышленностью, — борьбе, которая будет становиться все ожесточеннее" (Cenoud — L'enseignement professionnel, 1901, p. 12).

Профессиональные школы ремесленного типа встречали оппозицию со стороны самостоятельных ремесленников, а иногда и наемных рабочих, обладавших профессиональной подготовкой. Они видели в учениках профессиональных школ будущих конкурентов. Иногда ремесленники стремились добиться закрытия профессиональных школ, как это имело, например, место в Лионе по отношению к часовой профессиональной школе Будра; где этого не удавалось достигнуть, там добивались того, чтобы профессиональная школа не продавала продуктов труда учеников. Во Франции эта традиция прочно установилась; там даже в профессиональных школах нового типа вещи, сработанные учениками, как бы хороши они ни были, или идут на слом, или годами валяются в подвалах школы. В Швейцарии, там, где профессиональные школы продают работы учеников, они продают их по повышенной цене, чтобы не делать конкуренции самостоятельным ремесленникам. Отрицательно относились к профессиональным школам и трэд-юнионы и всячески противились их основанию. Они, вообще, стремились ограничить доступ к ремеслу, чтобы сократить предложение рук со стороны обученных рабочих, и строго регулировали число учеников, допускаемых к обучению профессии. Не менее отрицательное отношение мы видим и у американских профессиональных союзов к основывавшимся, в свое время, в Америке профессиональным школам (Trade Schools).

Однако, профессиональные школы, вынужденные приспособляться к потребностям производства, скоро изменили свой характер. Они перестали быть простой заменой обучения у мастера. Прекрасно поставленное преподавание рисования, моделирования, механики и др. предметов теории подняло преподавание на высшую ступень. Ученик научался в школе тому, чему не мог научиться в мелкой мастерской, у мастера. К этому типу принадлежат американские Industrial Schools, французские муниципальные и национальные профессиональные школы, многие профессиональные школы в Германии, Австрии, Швейцарии.

По поводу профессиональных школ этого типа П. Лафарг пишет в „Большой Энциклопедии“: „Ученичество в мастерской, под руководством мастера, заменяется профессиональными школами, число которых растет с каждым днем; при них организуются стипендии, награды, путешествия с учебной целью по промышленным городам для лучших учеников. Таким образом, ученичество, которое одно время проходило под надзором корпораций, потом на некоторое время было предоставлено частной инициативе, теряет теперь свой частный характер и стремится превратиться в социальное учреждение, функционирующее под руководством учителей и профессоров, получающих назначение непосредственно от общественных властей“.

Профессиональные школы этого типа подготовляют уже не самостоятельных ремесленников, а „обученных“ рабочих для крупного производства: мастеров, надсмотрщиков, помощников инженеров и пр.

Однако, эти профессиональные школы далеки еще от идеала. В большинстве случаев, они оторваны от производства, что кладет на них известный отпечаток.

Часто в них царствует рутина. Так, например, во многих французских профессиональных школах до сих пор употребляются машины исключительно французской марки, тогда как в соответствующих отраслях французской промышленности давно уже работают на более совершенных машинах немецкой и американской марки.

При большинстве профессиональных школ существуют рабочие мастерские, но они далеко не всегда хорошо оборудованы. Исключение составляют американские профессиональные школы (Industrial Schools), но и они не в состоянии угнаться за всеми нововведениями техники. На помощь тут приходят в некоторых странах технические музеи (например, в Австрии, в Швейцарии, в Англии), но не в достаточной мере.

Рабочие охотно отдают своих детей в профессиональные школы нового типа. Правда, делать это могут лишь наилучше поставленные, которые в течение нескольких лет могут обойтись без заработка детей; в профессиональные школы нового типа отдает своих детей и мелкая буржуазия.

ПОДГОТОВКА „РАБОЧЕЙ АРИСТОКРАТИИ".

Окончившими профессиональную школу, технически подготовленными рабочими в настоящее время, когда промышленность предъявляет на таких рабочих особенный спрос, фабриканты дорожат. Они не только дают им более высокую плату, не только ставят их в привилегированное положение, но участием в прибылях и другими способами стараются связать их интересы с интересами промышленного предприятия. У большинства этих рабочих воспитывается, таким образом, буржуазная психология. Их интересы часто противоречат интересам всего рабочего класса в целом. Это — слой

рабочей аристократии, во многом напоминающий собой английскую рабочую аристократию, сорганизовавшуюся в трэд-юнионы. Этот слой технически подготовленных, квалифицированных рабочих составляет в Германии, Швейцарии, Австрии около 1/4 всех фабрично-заводских рабочих, во Франции—несколько менее. Организационно он входит в общие рабочие организации, идейно же сплошь и рядом не отделяет интересов рабочего класса от интересов капитала. Благодаря своей большой интеллигентности, образованности, общим более благоприятным условиям, представители рабочей аристократии являются, обычно, вождями рабочих организаций, их должностными лицами и вносят в них свойственный им дух компромисса, оппортунизма. Война с особенной яркостью вскрыла это явление: например, вожди профессиональных союзов в Германии целиком пошли с капиталом. Буржуазия умеет властвовать, разделяя.

С точки зрения рабочей демократии, создание особого слоя рабочей аристократии—явление нежелательное. Рабочая демократия—за поднятие общего уровня технического образования рабочего класса в целом, а не отдельных его слоев.

За последнее десятилетие потребность капитала в обученных рабочих значительно выросла, особенно в быстро развивающихся в экономическом отношении странах, вроде Германии, и буржуазия и правительство стали принимать меры к повышению технической подготовки всего рабочего класса в целом. В этом отношении характерно устройство повсюду вечерних технических курсов.

Во Франции, в Англии, в Америке посещение таких курсов добровольно, необязательно, в Англии оно даже платно. Вечерние курсы идут навстречу стремлению

громадного числа рабочих выбиться из рядов необученных рабочих в ряды лучше поставленных квалифицированных рабочих.

Во Франции вечерние курсы носят общеобразовательный характер, хотя рисование и составляет в них главный предмет. Техническое преподавание там, где оно существует, преследует узко специальные цели.

Интереснее постановка дела в Англии. Там существуют так называемые народные политехникумы. Теперь такие политехникумы существуют в каждом из лондонских кварталов. В общем, их около десятка. Это—настоящие дворцы. В одном Regen Street Politechnikum читается в неделю свыше 500 курсов, а учащихся в нем—около 15 тысяч.

„Каждый из этих политехникумов охватывает программы и курсы промышленной школы, музыкальной консерватории, курсов декламации, коммерческой школы, профессиональных школ, по крайней мере, для пятнадцати различных профессий, школы домоводства, шитья и кройки и пр. Вместе с тем, это клуб, где организуются празднества, спектакли и концерты, по крайней мере, раз в неделю; при политехникумах громадные залы, богатые библиотеки, прекрасно оборудованные читальни, гимнастические залы, плавательные бассейны, залы для игр, курительные комнаты, дешевые рестораны и пр.“ (Genoud—L'enseignement professionnel, стр. 150). Можно записываться на любой курс, за что взимается небольшая плата.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ШКОЛЫ.

Американские повторительные школы „Continuation Schools“ носят более технический характер, преподавание теории и практики в них поставлено очень хорошо, при

школах прекрасные учебные мастерские с новейшими машинами и пр.

В Австрии и Германии посещение дополнительных школ обязательно.

В Германии дополнительнал школа (Fortbildungsschule) вначале носила общеобразовательный характер. Преподавание велось в ней в патриотическом духе, и цель ее была, главным образом, — служить противоядием начавшему сильно развиваться в рядах юношества социал-демократическому движению. Однако, под давлением потребности в технически подготовленном рабочем, все большее и большее внимание стали обращать на рисование, черчение, геометрию, вычисление, ведение торговых книг, писание деловых сочинений. Французы посмеиваются над программами немецких дополнительных школ и говорят: „Слишком много учености! И без знания алгебры и тригонометрии поваренок сумеет испечь сладкий пирог". Однако, германская дополнительная школа имеет в виду не подготовку к какой-нибудь одной узкой специальности, а стремится дать общую теоретическую базу, столь необходимую для всякого технически подготовленного рабочего. Она стремится поднять общий уровень технического образования рабочего класса и в этом отношении имеет несомненно прогрессивный характер.

Практика скоро показала, что преподавание в дополнительной школе страдает слишком большой отвлеченностью и потому не достигает цели. При дополнительных школах стали строить мастерские и соединять теоретическое преподавание с практической работой. Результаты стали получаться очень хорошие, и дополнительные школы в Германии быстро преобразовываются в этом направлении. Однако, скоро стало сказываться, что

успеху занятий мешает утомление учеников. Проработав день на фабрике или на заводе, они не могут уже работать вечером в учебной мастерской. Поэтому в Германии издан закон, в силу которого каждый хозяин обязан раз в неделю освобождать ученика от работы у себя на фабрике или на заводе и посылать в дневную дополнительную школу. Дневные дополнительные школы, в которых теоретическое преподавание тесно связано с практическим и где преподавание носит не узко профессиональный характер, а более или менее приближается к политехническому, поднимает рабочий класс Германии на более высокую степень культуры.

Чего не хватает в Германии и что имеется налицо в Америке, это — общее развитие внешних чувств, общая подготовка к труду, которые дает в Америке детям начальная школа. В американскую техническую школу ученик приходит с развитым уменьем наблюдать, рисовать, ориентироваться во всякой работе, ловко выполнять ее. В Германии до сих пор царила школа учебы, которая не только не подготовляла детей к труду, а отучала их от него. Современная дополнительная школа в Германии обнаружила этот недостаток германской народной школы и заставила приступить к ее реформе.

Американская школа систематически подготовляет к труду, начиная с детского сада. Завершением этой общей подготовки к труду являются так называемые „High Manuel Training Schools". Это — прекрасно оборудованные мастерские, где молодые люди изучают на практике весь процесс производства в целом. Изучается не та или другая профессия, а целый ряд производств, выбираются самые важные отрасли, самые типичные.

Дополнительная школа Германии подчеркивает тенденцию современного промышленного развития сделать техническое образование всеобщим достоянием.

Американские High Manuel Training Schools выдвигают другую тенденцию этого развития: расширить рамки профессионального образования, превратить его из подготовки к узкой специальности в подготовку к промышленному труду вообще, дать общую основу, которая делала бы возможной смену занятий, вызываемую прогрессом современной техники.

ШКОЛА ЗАВОДСКОЙ МОЛОДЕЖИ.

Наконец, в самое последнее время стал создаваться новый тип школ, которые выдвигают еще одну характерную тенденцию современного промышленного развития, именно: установление тесной связи технического образования с производительным трудом подростков.

Движимые потребностью в обученных, прекрасно подготовленных рабочих, которым можно поручать ответственные посты, находя подготовку, получаемую рабочими в дополнительных школах, недостаточной, американские крупные заводчики решили взять дело подготовки нужных им рабочих в собственные руки. Во второй половине первого десятилетия XX века в Америке возник целый ряд фабричных школ. Громадное большинство их — дневные школы. Ученики для занятий освобождаются от работы, при чем продолжают получать свою обычную заработную плату. Кроме того, ученикам, успешно прослушавшим полный курс, выдается премия в 50—150 долларов. Занятиям посвящается, обыкновенно, два дня в неделю, хотя школа работает всю неделю; сменяются лишь ученики. Ученики принимаются в эти школы от 14 до 18 лет, в зависимости

от того, требуется ли для поступления в фабричную школу окончание обыкновенной или высшей школы (американские высшие школы доступны самым широким слоям населения). В фабричных школах преподаются математика, физика, применительно к потребностям производства, электричество, механика, товароведение, черчение, рисование и пр. Общеобразовательные предметы не входят в программы школ. У печатников и в химических производствах программы несколько иные.

На заводе ученики работают под надзором различных мастеров и переходят от машины к машине.

У одних только железнодорожных компаний в 1910 г. была 51 фабричная школа такого типа.

Кроме фабричных школ для учеников, которые могут устраивать лишь очень крупные предприятия, где работает много подростков, в Америке стала быстро прививаться так называемая „Cooperative schoolsystem". Она заключается в том, что одно или несколько предприятий входят в соглашение с местной технической школой. Они обязуются посылать в школу своих учеников (с сохранением им платы), которые проводят в ней половину или часть времени (часто дело организовано так: одну неделю ученики учатся, другую — работают), а школы обязуются преподавать ученикам предметы, необходимые им для их технического образования.

В Англии крупные предприятия также озабочены выработкой нужного им рабочего персонала.

„В 1903 г. синдикат инженеров и судостроителей Сундерланда, крупного центра судостроения, совместно с администрацией технического училища этого города, положил основу взаимного сотрудничества, которое дает великолепные результаты. О значении экономических

сил, принимающих участие в этом движении, можно судить по тому факту, что это движение группирует около себя 25 судостроительных предпринимателей, из которых один только М. Доксфорд владеет такими громадными верфями, что ему случалось одному в год изготовлять столько судов, сколько изготовляют все германские судостроители, вместе взятые. Основной принцип, проводимый в Сундерланде, заключается в том, что ученики должны обучаться своей профессии у хозяина в мастерской и посещать хорошо приспособленные научные курсы и курсы рисования при техническом училище. Первые два года по окончании начальной школы они проводят все свои дни в мастерской и некоторые вечера в училище, потом, путем конкурса, наиболее способные получают стипендии, которые позволяют им всецело в течение семестра, без всяких расходов, отдаваться техническим занятиям высшего разряда. Эти занятия обеспечивают им специальный диплом, дающий весьма существенные преимущества обладающим им" (Révue pédagogique, 1914, июль, стр. 52).

„Крупная индустрия в Германии, с своей стороны, приняла особые меры по отношению к ученичеству, с целью подготовки рабочих, знания и способности которых соответствовали бы современным требованиям техники. Были созданы специальные ученические мастерские, которые, посредством систематической смены занятий, посвящают наиболее одаренных во все тайны профессии. Первый пример подобного рода дала администрация императорских прусских железных дорог.

Во время ученичества, продолжающегося год, молодые люди, под постоянным надзором и руководством мастера, учатся обращаться с материалами и инструментами. Затем они поочередно посылаются на работу

в различные отделения мастерской, где они принимают участие в производимых там работах и работают при всевозможных машинах; таким образом, их практическое обучение происходит в самых благоприятных условиях" (Genoud — L'enseignement professionnel, p. 165).

Устройство профессиональных дополнительных и фабричных школ вызывается потребностью современной крупной промышленности в подготовленном, квалифицированном рабочем. Те блага всеобщего политехнического образования, связанного с производительным трудом, которые при этом выпадают на долю рабочего класса, буржуазия стремится уравновесить увеличением своего влияния на молодежь и тем делением, которое вносится ею в среду рабочего класса выделением наиболее талантливых рабочих в особый привилегированный слой рабочей аристократии. Но, по мере расширения потребности в квалифицированном рабочем, будет постоянно расширяться и круг технически обученных рабочих, техническое образование из привилегии превратится в общее достояние. Оно поднимет общую интеллигентность рабочего класса и превратится, таким образом, в средство преобразования существующего строя в социалистический.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ШКОЛЫ УЧЕБЫ В ШКОЛУ ТРУДА. НЕИЗБЕЖНОСТЬ ЭТОГО.

Народная школа повсюду в Европе приняла форму школы учебы. Чем на большее число лет распространяется школьная повинность, тем больше притупляется, как мы видели на примере в Швейцарии, общая работоспособность детей. „В возрасте от 3 до 14 лет у ребенка особенно сильно преобладают инстинкты и влечение к ручному труду“,—говорит Георг Кершенштейнер в своей книге „Begriff der Arbeitsschule“ (S. 25). Большую часть этого времени ребенок проводит в школе. Школа учебы не только не развивает, а заглушает это естественное стремление.

Когда промышленность стала предъявлять повышенный спрос на политехнически образованного, инициативного, интеллигентного рабочего, когда стали приниматься меры к расширению технического образования рабочих, повсюду натолкнулись на печальные результаты школы учебы. Этот факт особенно оттенялся сравнением с Северо-Американскими Штатами, где народная школа употребляет все усилия для развития трудоспособности в детях.

Понятно, почему Америка первая пошла по этому пути. В отношении технического прогресса Америка стояла долгое время впереди всех стран мира; в Америке раньше и острее, чем где бы то ни было, стал ощущаться недостаток в технически подготовленном рабочем.

Начиная с детского сада, ребят приучают к труду, к умению обращаться со всякого рода материалами и инструментами; учат, путем труда, наблюдать, самостоятельно мыслить и действовать. Малыши рисуют, красят, лепят, вырезают, клеят. Народная школа продолжает дело детского сада, только работы делаются сложнее, требуют все большей ловкости, выдержки, настойчивости, самостоятельности. Красною нитью проходит производительный труд через все школьные занятия „High Manuel Training Schools" — политехнические школы являются лишь завершением преподавания ручного труда, начатого в детском саду. Разносторонняя трудовая деятельность очень рано выявляет наклонности ребенка, его вкусы и таланты, так что выбор профессии для юноши или девушки, прошедших американскую школу, гораздо легче, чем в Европе, где дело предоставляется, большею частью, слепому случаю.

ПОМОЩЬ В ВЫБОРЕ ПРОФЕССИИ.

Выбор профессии имеет большое значение для вступающего в ряды армии труда юноши (или девушки), ибо труд, соответствующий склонностям и способностям, гораздо более удовлетворяет, чем труд, которому противится вся натура. Имеет значение выбор профессии и для производительности труда, очень повышая ее. Американские предприниматели прекрасно знают это и весьма озабочены тем, чтобы „to put the right man on the right place" (ставить надлежащего человека на надлежащее место) на своих фабриках. Кроме того, что школы труда лучше выявляют способности ребенка, чем школы учебы, при американских школах существуют особые „советчики по выбору профессии", которые наблюдают детей в школе, узнают их склонности,

определяют, к какой профессии наиболее пригоден выходящий из школы подросток, и дают ему соответствующие указания. Должность, неизвестная в Европе. Конечно, не следует преувеличивать значения выбора профессии для большинства населения. В настоящее время громадное большинство вынуждено сообразоваться не со своими вкусами и наклонностями, а с возможностью получить ту или иную работу. Теперь большее значение имеет та общая подготовка к труду, которая дает возможность не век быть привязанным к одной узкой специальности, а, в случае необходимости, менять род занятий и профессию. Еще больше приходится ценить это соединение физического труда с умственным, которое мы видим в американской школе, соединение, одухотворяющее физический труд и оплодотворяющее умственную деятельность, подготовляющее уничтожение деления общества на белую кость, занимающуюся умственным трудом, и кость черную, удел которой — труд физический.

Колоссальные успехи Америки в области промышленного труда, которыми она в немалой мере обязана прекрасно подготовленному рабочему персоналу, заставили и в Европе заговорить о реформе народной школы, о превращении ее из школы учебы в школу труда. И естественно, что горячее всего этот вопрос стал обсуждаться в Германии,— стране, за последние 45 лет развивавшейся в промышленном отношении быстрее всех других европейских стран. Вопрос о трудовой школе стал там злобой дня.

В Германии школа носит сословно-классовый характер,— там существует народная школа, которую посещают дети трудящихся классов, и существует средняя школа (не являющаяся продолжением народной, в своих

младших классах параллельная ей), предназначенная для детей зажиточных слоев и преследующая иные цели — подготовку „командующего“ слоя. И вот, в то время как народная школа продолжает, в общем, быть построена на принципах муштровки и учебы, средняя школа воспринимает принципы американской школы. Не вся в целом. Громадное большинство средних школ в Германии и Франции продолжает преследовать прежнюю цель — воспитывать в учениках, по словам Пауильсена, „добродетели подчиненного чиновника“, но повсюду в Европе создались уже школы для детей зажиточных сословий, подготовляющих воспитанников для такой карьеры, где нужны самостоятельность и инициатива.

ШКОЛА ДЛЯ „ДЕТЕЙ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ“.

В программе английской „новой“ школы, ставшей образцом для целого ряда такого рода школ на континенте, Аббатсхольмской школы, прямо говорится, что ученики школы с успехом могут впоследствии занять видные должности в многочисленных колониях Англии. Ректор „новой“ школы в окрестностях Штуттгарта Капфф очень подробно излагает, для кого именно предназначаются эти „новые“ школы, или, как их называют в Германии, „Landerziehungsheime“, сельско-воспитательные интернаты.

„Новые школы предназначены, вообще, для подготовки ко всякого рода профессиям. Для сыновей и наследников руководителей промышленности („captains of industry“) совершенно не существует никакой подходящей средней школы, которая давала бы им необходимую подготовку, — пишет Капфф. — Для будущих обладателей руководящих должностей наша трудовая школа подходит как нельзя более“.

„На земле еще более чем достаточно места для людей, имеющих мужество строить свою жизнь по-своему, при чем не исключаются ученые профессии врача, профессора, духовного лица, не говоря уже о профессии техника. Конечно, молодыми немецкими купцами и банковыми чиновниками все заокеанские земли переполнены выше меры, о необходимом контингенте для заполнения остающихся свободными мест заботятся юные ганзейцы, которые через своих родственников получают лучшие места. Но разве не имеется еще достаточного количества производительных профессий, при помощи которых можно составить себе состояние? Например, известно ли у нас в родительских кругах, что значит, что в необычно процветающей Аргентине в настоящее время имеются гигантские пространства, служившие до сих пор пастбищами и теперь превращаемые в обработанную землю, и что там существуют все условия для возникновения сословия фермеров, подобные тем, какие были в прериях Северной Америки? Но и в самой Европе достаточно еще мест для колонизации. Так, знатоки утверждают, что полуостров Истрию можно превратить в маленькую Калифорнию, если бы предприимчивые сельские хозяева, обладающие капиталом, завели там плодовые фермы на манер американских.

„...Перед сыновьями высших сословий, как и в англосаксонских странах, в особенности стоит задача быть пионерами немецкой промышленности и торговли, а также немецкой науки в чужих странах. Для таковых не было до сих пор соответствующей средней школы. Воспитательная школа предназначается для заполнения этого пробела“ (Die Erziehungsschule, von der Kapff, S. 71).

Итак, цель новых школ — удовлетворить потребность государства в образованном, интеллигентном,

инициативном слое высших должностных лиц, удовлетворить потребность буржуазии в умелых руководителях промышленных предприятий. Потребность в таком избранном слое создает быстро развивающийся империализм.

Цели новых школ определяют весь их дух. В настоящее время насчитывается уже довольно много новых школ. В 1889 г. первая школа подобного рода была основана д-ром Редди в Англии в Аббатсхольме, затем в Англии устроена была еще одна такая же школа, в Бедале. По инициативе Демолена, в 1899 г. по образцу Аббатсхольмской школы была основана „новая" школа в „Les Roches", во Франции. Теперь таких школ во Франции больше шести. Годом раньше, чем во Франции, основал аналогичную школу в Германии бывший преподаватель Аббатсхольмской школы, доктор Литц. Теперь у него уже три таких школы. По тому же типу организовано несколько школ в Швейцарии и Австрии.

„Новые" школы представляют собой интернаты. За обучение и содержание в них берут 1.500—2.000 франков в год. Они расположены, обычно, вдали от городского шума, на лоне природы, в каком-нибудь имении. Обстановка самая комфортабельная: ванны, электричество, отдельные комнаты для каждого ученика, читальни и пр. Книжки, посвященные описанию „новых" школ, испещрены фотографиями, которые показывают, как богато, рационально и уютно все устроено.

На физическое воспитание обращено громадное внимание: великолепная вентиляция, утренние души, обмывания, купания, физические упражнения, спорт, игры, здоровая пища, целесообразная одежда, спокойный, долгий сон — все преследует цель укрепления организма воспитанников. В число физических упражнений введен и физический труд на открытом воздухе

и физический труд в мастерских. Садоводство, огородничество, уборка сена, постройка беседок, голубятен, навесов для лодок — все это крайне полезно для физического развития. Дети в „новых“ школах дышат здоровьем.

На умственное развитие также обращено самое серьезное внимание. Нет бессмысленной зубрежки. Самодеятельности учеников предоставлен широкий простор. Интерес ученика, удовлетворение его потребности в активности, творчестве поставлены в центр преподавания. Внешняя дисциплина и принуждение сведены до минимума. Весь режим школы таков, что захватывает ученика целиком, способствует всестороннему развитию его личности. Совместная, разумно организованная работа учит умению жить и работать совместно с другими. Школьное самоуправление приучает к умению организовывать общественную жизнь.

По сравнению с обычными средними школами „новые“ школы являются громадным шагом вперед.

Но это совсем не те школы, каких хочет демократия. Эти школы больше всего напоминают филантропины как по своим целям, так и по своему складу. Склад жизни в „новых“ школах совершенно буржуазный. Общественная среда подобрана крайне искусственно. Тепличная атмосфера сельского интерната, может быть, лучше затхлой атмосферы лицея или бессмысленной, часто бессердечной, атмосферы буржуазной семьи, но интернат, хотя бы он и был разумно организован, остается интернатом, т. е. изолирует ученика от живой жизни, суживает сферу общественных впечатлений и переживаний ученика.

Роль физического труда в сельских интернатах сужи-вается до чисто педагогическо-гигиенических целей:

укрепления здоровья, развития физической ловкости, сообразительности, любознательности.

Песталоцци, Оуэн, Беллерс и др. хотели, чтобы дети с ранних лет принимали участие в производительном труде. Такое участие дает сознание своей полезности, дает серьезное отношение к жизни.

Растущие в тепличной атмосфере воспитанники сельских интернатов тоже делают полезную работу: сажают цветы и овощи, строят голубятни и пр. Но тут и речи нет о том, чтобы они окупали трудом стоимость своего содержания. Стоимость их содержания оплачивается теми 2.000 франков, которые вносят за воспитанника его родители. Они прекрасно понимают это, и то, что они выращивают салат и потом продают его кухарке интерната, вряд ли может воспитать в них чувство солидарности с миллионами трудящихся масс, которое воспитывает взаправдашнее участие в производительном труде.

Подведем итоги сказанному. Сельские интернаты, с педагогической точки зрения, во многом организованы разумно, но, по своим целям и духу, они являются школами, удовлетворяющими специальные потребности некоторых слоев буржуазии. Рабочая демократия воспользуется их педагогическим опытом, но построит свои школы по-иному.

БОРЬБА ЗА ШКОЛУ ТРУДА.

Гораздо труднее оказалось приложение новых идей о необходимости свободного развития индивидуальности ребенка к начальным школам Европы. Режим школы учебы рассчитан был на воспитание в массах известного образа мыслей и известных чувств; он обезличивал ученика, приучал его к автоматическому послушанию, усыплял его способность к самостоятельному мышлению.

Известные круги ценили именно эту сторону дела в школе учебы. С другой стороны, новейшее развитие техники властно предъявляло спрос на рабочих, имеющих свое „лицо", умеющих работать не только по указке, а вносить в труд инициативу, вкладывать в него свое „я".

Резче всего это противоречие давало себя чувствовать в Германии. Долгое время там искали компромиссного решения. Пытались оставить в неприкосновенности старый школьный режим и лишь ввести в учебный курс, в качестве особого предмета, преподавание отдельных ремесл. Такая попытка была сделана также во Франции, но дала очень неблагоприятные результаты. В Германии введение профессионального образования в курс начальной школы встретило решительный отпор со стороны немецкого учительства. В 1857 г. во Франкфурте-на-Майне, в 1882 г. в Касселе, в 1889 г. в Аугсбурге и, наконец, в 1900 г. в Кельне немецкие учителя решительно высказались против введения в программу народных школ преподавания ручного труда.

Когда в 1889 г. столь известный теперь директор народных школ в Мюнхене Георг Кершенштейнер стал говорить о воспитательном значении ручного труда, он был встречен всеобщими насмешками. Но за 23 года многое изменилось. Для Германии стало вопросом жизни и смерти повысить уровень технического и общего образования рабочих, приблизить их по развитию к уровню американских рабочих.

В связи с этим, началось внутри германской школы брожение, пересмотр методов преподавания.

Интересна резолюция съезда немецких учителей, состоявшегося в Берлине на троицу 1912 г. На съезде присутствовало 8 тысяч учителей. На очереди дня стоял вопрос о трудовой

школе. Докладчиком был Эрнст Вебер, бывший раньше ярым противником введения в программу народных школ ручного труда. Но теперь его отношение к этой отрасли преподавания стало гораздо мягче: он, хотя с большими оговорками, признал полезность ручного труда, как метода преподавания. Предложенная им съезду резолюция гласит:

„1. Собрание немецких учителей против такой трудовой школы (Arbeitsschule), которая видит в ручном труде, главным образом, средство развития ловкости руки и подготовку к будущей профессии, и потому высказывается против введения ручного труда, как особенного предмета.

„2. Собрание высказывается, однако, за такую трудовую школу, которая стремится, при помощи физического труда, содействовать умственному развитию, которая стремится достигнуть желательной равномерности в культивировании всех душевных сил и органов чувств и более, чем это было ранее, дать простор внутренним переживаниям, стремлению к вещественному изображению, детской самодеятельности и индивидуальности.

„3. В таком толковании и ручной труд является одним из средств, ведущих к этой цели. Собрание подчеркивает, однако, что ручной труд, даже в качестве методологического принципа, приложим лишь к отдельным отраслям преподавания и лишь на известных ступенях развития.

„4. Собрание немецких учителей указывает особенно настоятельно на то, что реформистские идеи, входящие в понятие „трудовая школа“, тогда только могут из идей превратиться в действительность, если учителю будет предоставлена большая самостоятельность в определении объема, выбора, распределения и трактования учебного материала. Поэтому собрание требует

устранения бюрократической системы надзора, которая ставит непреодолимые препятствия индивидуальной педагогической работе".

Резолюция в духе его доклада была принята единогласно, несмотря на то, что отдельные ораторы высказывались очень резко против трудовой школы, вообще, и американской, в частности, называли трудовой метод глупой игрой, отучающей от серьезной работы, и т. п. Вообще, в прениях чувствовалась отрыжка старой борьбы против введения профессионального преподавания в народную школу, чувствовалась боязнь новшеств. Но раздавались и бодрые голоса решительных сторонников трудовой школы. Резолюция представляла собой большой шаг вперед. Многие приняли ее, скрепя сердце, но все же приняли. Да ничего и не оставалось делать под напором новых требований, предъявляемых школе.

Знамением времени является назначение директором народных школ Мюнхена убежденного сторонника трудовой школы Георга Кершенштейнера. Правда, Кершенштейнер не внушает опасений, он далек от всякого демократизма. Он преклоняется перед буржуазным государством, блюдет пуще всего его интересы и с ними сообразует свою педагогическую деятельность. Он очень сведущий человек, прекрасно знакомый с новейшими методами преподавания, ездивший изучать постановку профессионального образования во Франции, Швейцарии, Австрии. Но его идеал — не свободная школа. Он хочет школы, которая при помощи новых методов преследовала бы старые цели. Клапан приоткрывается, индивидуальности ученика дается некоторый простор. Самодеятельность является средством, чтобы лучше овладеть вниманием учеников, завоевать их доверие

и тем вернее подчинить их своему влиянию. Новые методы являются лишь более утонченным и совершенным средством, построенным на знании детской индивидуальности, повлиять на их чувства и мировоззрение, пропитать их соответствующей моралью и идеологией: детскую самодеятельность надо направить в определенное русло, пробудить в детях интерес к технике, к ручному труду, на этом, главным образом, сосредоточить их интерес. Это одновременно отвлечет их от больных вопросов и даст крупной промышленности необходимый контингент интеллигентных, инициативных рабочих.

Пока организация школьного дела будет находиться вне сферы влияния рабочего класса, школа труда будет орудием, направленным против ее интересов. Лишь рабочий класс может сделать школу труда „орудием преобразования современного общества".

СОВЕТСКАЯ СИСТЕМА НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И РКСМ*).

Чем, товарищи, характеризуется буржуазная система воспитания? Она характеризуется не тем, что там существуют две ступени, а тем, что существуют всякие препятствия перехода из I ступени во II. Программы I и II ступени нарочно не согласуются. II ступень имеет свои подготовительные классы, в которые поступают дети буржуазии. Они, естественно, из этих подготовительных классов могут переходить во II ступень, а во II ступень из народной школы поступать трудно, потому что программа составлена так, что приходилось держать экзамен; этот экзамен был особенно затруднительным. Нарочно вводятся в младших классах средних учебных заведений такие предметы, которые в народной школе не проходятся, и надобны особенно героические усилия для ученика народной школы, чтобы овладеть этими предметами, хотя по другим предметам он обладает гораздо большими знаниями. Точно так же между средней и высшей ступенью устраиваются разные затруднения, чтобы нельзя было из II ступени перейти в высшие учебные заведения. Дальше я буду говорить, что у нас есть плохого. Но если мы говорим о системе народного образования, то, конечно, нельзя говорить, что в Советской России сейчас существует буржуазная

---

1) Речь на V Всероссийском съезде РКСМ.

система образования. Переход из школы I ступени в школу II ступени и далее совершенно свободен. И вот это — коренное отличие от буржуазной системы. Буржуазная система имела две системы школ: школу для буржуазии и школу для народа.

Вот почему рабочий класс всех стран выдвигает лозунг единой трудовой школы, т. е. такой школы, в которой легко переходить из одной ступени в другую, из самых низших ступеней переходить до университета. Если мы отбросим лозунг единой школы, то мы отбросим тот лозунг, который выдвигает пролетариат во всех странах, как требование пролетариата, который облегчает ему продвижение в высшую ступень к овладению знаниями.

У нас школа, действительно, очень плоха, и плоха она потому, что мы слишком много хотели захватить, а сил-то у нас не было.

Для того, чтобы создать школу, надо создать ей соответствующую программу и соответственный педагогический персонал. И поэтому нам надо говорить о том, как хорошо поставить школу II ступени, а не говорить о том, что достаточно для рабочего ограничиться I ступенью, четырьмя годами. Конечно, рабочий должен знать, как можно больше.

С первых дней существования Наркомпроса приходилось по поводу профобразования вести борьбу со старой профессурой, и мне лично приходилось не на одном собрании присутствовать, а на целом ряде собраний, на которых Наркомпрос занимал эту позицию. Мы говорили: теперь надо рабочему быть не только простым исполнителем, не только овладеть техническими навыками, а потому ему также надо приобрести и те знания, которые делают его хозяином производства.

В ответ на это мы встречали со стороны профессуры гробовое молчание; они говорили: рабочему нужны обыкновенные ремесленные школы. Тот полемический характер, который всегда принимают наши споры о профшколе, и объясняется тем, что нам в начале существования Наркомпроса пришлось с профессурой выдержать в этом направлении большую борьбу. Старая профессура хотела оставить старую ремесленную школу, куда, конечно, никакой союз молодежи не был бы допущен.

Старая ремесленная школа носила определенный характер: воспитывались исполнители, которые могут только в чужом заводе, по чужой указке, работать. Мы хотим создать такого рабочего, который мог бы работать технически, но в то же самое время ясно понимал бы все перспективы производства.

Вот т. Шохин возмущался словом „политехническая" школа. Но, ведь, надо разъяснить, что значит термин „политехническая школа". Значит ли это многоремесленная школа? Правда, некоторые так и понимали эту политехническую школу. Но это совершенно превратное и неверное представление о ней. Политехнической школой называется такая школа, которая дает ясное представление о всем процессе производства, которая дает представление о том, как организовано производство во всей стране, как организовано производство в отдельных предприятиях, которая дает представление о всем производстве в целом и в соотношении между всеми отдельными производствами. Коммунисту знать это чрезвычайно необходимо, особенно сейчас, в такой момент, какой переживает Советская Россия и переживает весь мир. Старая хозяйственная система, старая капиталистическая система сейчас умирает. Нарождается новая

система, коммунистическая, которая должна быть построена на планомерном производстве. Но для того, чтобы задачу поставить, надо ее ясно понимать. Оттого, что мы этого не знаем, мы на каждом шагу терпим поражения.

Если бы мы знали, если бы рабочий это знал, строительство Советской России шло бы во много раз успешнее. Мы на собственной шкуре постоянно, ежечасно испытываем недостаток понимания у нас общественной организации. Вот политехническая школа и есть такая школа, которая дает представление об организации производств. Вот такую политехническую школу защищал Маркс, защищают ее и коммунисты. Политехническая школа — это не такая школа, которая когда-то, в будущем будет достигнута; она необходима нам сейчас, сию минуту, потому что мы смотрим на рабочего не так, как смотрела буржуазия: мы считаем, что рабочий должен быть не только исполнителем, но в то же время и хозяином производства. Вот такую точку зрения защищал Наркомпрос против профессуры, которая считала, что достаточно с рабочего и ремесла, и вот почему разгорелись так страсти, когда Наркомпрос Украины выдвинул вопрос о том, что надо-де уничтожить совершенно среднее образование, а надо начинать обучение ремесленное как можно раньше. Это, конечно, совершенно неправильная точка зрения, потому что она приближается к точке зрения профессуры. Сейчас и т. Шохин говорил, что надо опираться на семилетнюю школу, т. е. на I и II ступень. Я не буду говорить о том, что теперешняя наша II ступень хороша. Я первая веду войну с нашей II ступенью и с тем подходом к обучению во II ступени, который у нас существует.

Мы говорим о трудовой школе. Трудовая школа — нельзя сказать, чтобы она нигде не была осуществлена, —

но осуществлена в чрезвычайно редких случаях. Тут, по-моему, задача состоит в том, чтобы построить правильно эту I и II ступени. А поэтому надо, чтобы молодежь помогала Наркомпросу поставить эту правильную систему, построить II ступень в том виде, в каком она нужна рабочему классу, как она нужна рабочей молодежи. Что значит так называемая образовательная школа и как мы ее мыслим?

На съезде Губоно, который сейчас происходит, и на конференции опытно-показательных школ, которая перед этим была, я защищала определенную программу II ступени. Я говорила, что старые программы не имели в себе того, что немцы называют „спинным хребтом". Были отдельные предметы. Эти отдельные предметы не были связаны между собой никакой внутренней связью.

Я предлагаю в программе за основу взять трудовую деятельность людей и организацию физического и умственного труда. В наших старых школах об этом говорили очень много. Очень мало говорили о том, как надо организовать свою умственную и физическую деятельность. А это надо подробно объяснить и не только объяснить, но и показать на деле. Если мы посмотрим, как работают наши курсанты совпартшкол, то увидим, что они растрачивают очень много сил и энергии зря. И что часто даже в совпартшколах не обучают тому, как работать надо. А между тем, чтобы овладеть знанием, надо, прежде всего, научиться работать. И школа II ступени должна этому обучить и показать на практике.

Затем организация труда. Надо, чтобы ученик II ступени ясно имел представление о том, как организовать труд в ремесле, в мануфактурном производстве, на фабриках, в предприятии. Мы говорим о производственной

пропаганде и указываем, какое она огромное значение имеет среди взрослых. Но тем более это важно для школьников II ступени. Затем надо еще один вид организации труда преподать ученикам II ступени: необходимо показать, как организован был труд в обществе капиталистическом, как в нем не было никакой планомерной организации труда, какой там был в этом отношении хаос, и указать, что в коммунистическом обществе должна быть строго продуманная планомерная система производства, где не было бы растраты сил и энергии. Только когда это ученик узнает, он поймет, что такое коммунизм. Но трудовая деятельность людей не происходит вне времени и пространства. Она происходит над определенными предметами живой и мертвой природы. Поэтому надо научить, как можно воздействовать на эти предметы — уголь, руду, минералы, нефть и пр. Все это надо изучить под углом зрения трудовой деятельности людей. Точно так же и неживую природу. Вот одна часть программы — естествознание. Затем дальше идет другая сторона — общественная жизнь людей. Ее надо ясно понимать всякому учащемуся II ступени, как мы, марксисты, понимаем. Мы понимаем, что в основу кладется трудовая деятельность людей, ее организация, деление общества на классы. Затем необходимо показать, как идет борьба между классами, как появляется классовое господство при помощи государства, указать классовое мировоззрение. Все это надо показать и обосновать на организации труда. Если мы так построим программу, будет она профессональной или общеобразовательной?

Профессиональной ее назвать нельзя, потому что „профессиональная“ означает школу приобретения навыков и умения обращаться в одной определенной области

труда, а тут говорится о всех областях труда. Но я думаю, что, подходя с той точки зрения, что рабочим нужно приобретать не только навыки и умения, но также и общий взгляд на организацию труда, нужно сказать, что такая программа должна войти непосредственно в общее образование, что это—общеобразовательная программа и в то же время она является политехнической программой.

Конечно, построенная таким образом программа необходима каждому рабочему. И вот тут наше разногласие с т. Шохиным, вероятно, кончится, потому что против школы II ступени, построенной так, он вряд ли будет возражать. Его ненависть к школе II ступени естественна, поскольку школа II ступени держалась старой программы и шла по течению. Но это касается не системы, а лиц. Мы имеем школы I ступени, после нее II ступени и затем переход в высшее учебное заведение. Рабфаки — это только временная школа, которая устраивается потому, что вся рабочая молодежь выросла вне всякой школы и должна где-нибудь получить подготовку.

Теперь остановлюсь на школах фабзавуча. Школа фабзавуча имеет чрезвычайно большую ценность, потому что это не ремесленная школа, не школа старого типа, так называемая профессиональная школа. Нет. Школа фабзавуча является профессиональной только до известной степени, потому что она берет живое производство. В этом живом производстве происходит обучение навыкам, и потом эти навыки должны освещаться теоретически. Вот, что значит школа фабзавуча. Она должна создать нового квалифицированного рабочего, какого требует не ремесленная промышленность, а индустрия. Важно, чтобы в школах фабзавуча

готовились не ремесленники, а именно тот тип рабочих, который необходим для крупной промышленности, такой тип квалифицированных рабочих, какого у нас чрезвычайно мало, но который так нужен нашему производству.

Теперь я вкратце повторю все, что я сказала. Значит, буржуазная система отличается несколькими перегородками между разными ступенями. Советская школьная система не является буржуазной. В ней очень много старых пережитков в том отношении, что программа старая, учителя старые, и нужно воспитывать новых учителей. Воспитать нового учителя можно, взяв его только из рабочей среды, перевоспитав и открыв перед ним все задачи, которые должны стоять перед школой. Нужно создать нового учителя, новые программы, новые методы. Одним словом, нужно эту школу II ступени построить на новых началах, но выбрасывать II ступень, самое по себе, не имеет никакого смысла, потому что это означало бы, что рабочие подростки обрекаются на полуграмотность, а это, конечно, в Советской России недопустимо, и против этого наша партия должна самым решительным образом бороться. Вот почему коммунистическая партия и стоит на точке зрения единой трудовой школы и школы политехнической в том смысле, в каком сейчас я развивала эту точку зрения.

О ЗАВОДСКОМ УЧЕНИЧЕСТВЕ.

В настоящее время на фабриках и заводах работает очень много молодежи. Через несколько лет эта молодежь станет взрослой — и от ее умелости, подготовленности, сознательности будет зависеть не в малой мере успех производства. Эта молодежь представляет собой очень благодарный материал для работы над нею: психология у нее пролетарская, жажда знания громадная, она видела пролетарскую революцию, она живет в годы великого перелома, задумывается над тем, над чем, например, редко задумываются ученики школ II ступени. На эту молодежь надо обратить самое серьезное внимание. Подготовка ее к жизни и труду должна стать самой ударной задачей.

Молодежь эта работает на фабрике или заводе 4—6 часов в сутки. Остальное время у ней свободно; 2—4 часа умственной работы в школе молодежь могла бы проводить.

Буржуазия капиталистических стран, заботясь, понятно, лишь о своих интересах, обращала самое усиленное внимание на подготовку молодежи. Вечерние школы для продолжения образования существуют по всей Германии, и посещение их обязательно для всей занятой в производстве молодежи. В Австрии мы видим такие же школы. В Америке рабочая молодежь проходит так называемые кооперативные школы, в которых ученики одну неделю работают на заводе, другую —

в школе и где школьные занятия тесно связаны с той работой, которую им приходится делать на фабрике или заводе. Не надо также забывать, что и в Германии и в Америке в ученики принимают лишь тех, кто кончил минимум 6 классов народной школы.

Вопросам заводского ученичества посвящена за границей громадная литература. Советская республика, конечно, еще более, чем буржуазные государства, заинтересована в подготовке молодежи к квалифицированной работе в производстве; всюду слышатся у нас жалобы на отсутствие квалифицированных рабочих, а мы проходим мимо рабочей молодежи.

Отделы Народного Образования на местах должны, при содействии РКСМ, Отделов Труда, профсоюзов выяснять количество занятой в производстве молодежи, должны заботиться об устройстве специальных школ для заводских учеников и о приспособлении для этой цели уже существующих школ.

Нашим заводским школам придется взять на себя не только специальную, но и общеобразовательную подготозку рабочей молодежи.

Если в Германии, Америке, Швейцарии от учеников требуют свидетельства об окончании 6 классов народной школы, то у нас среди заводских учеников встречаются и малограмотные и вовсе безграмотные. Поэтому учеников в школах необходимо разделить сразу же на группы и вести занятия соответственно их подготовке. В значительной своей части школьные занятия должны носить у нас общеобразовательный характер: важно обратить особое внимание на такие предметы, как русский язык, арифметика, алгебра и геометрия, география, черчение, рисование, естественные науки. Надо только ориентировать несколько занятия на производство,

в котором работает ученик. Так, темы для сочинений надо давать из данной заводской и производственной жизни, вычисления приноравливать к тем вычислениям, которые надо постоянно делать при работе, черчение сосредоточивается на черчении тех машин, которые работают на данном заводе, вводятся предметы, имеющие особое значение для данного завода, например, химия — на химических заводах, механика — у металлистов и пр. Само собой, что в курс заводских школ должны входить такие предметы, как советская конституция, организация Советской власти, работа экономических комиссариатов, история труда в связи с общей историей, история машины и т. д.

Наряду с этими занятиями общего обязательного характера, необходима и организация профессионального образования.

Во-первых, необходимо регулирование труда заводских учеников в самом производстве, необходимо организовать это так, чтобы ученики сразу же учились работать, а не состояли только на побегушках. Должно быть подробно разработано, в какой мастерской, чему и в какой срок должен ученик выучиться, должны переводить учеников из мастерской в мастерскую, чтобы ученики изучили производство в целом. Должны быть установлены сроки перехода учеников из мастерской в мастерскую, установлено, в какие мастерские после каких переходит ученик.

Важно, чтобы инструктирование на заводе во время работы учеников было поручено особым, выделенным из состава рабочих данного завода, инструкторам, а не происходило лишь случайно, от времени до времени. Часть работы, касающаяся теоретического освещения тех или иных производственных процессов, может быть вынесена в стены школы.

По окончании ученичества ученики должны командироваться для изучения в процессе работы постановки дела в образцовых предприятиях данного производства.

Подробные программы для заводских школ в разных производствах должна разрабатывать единая трудовая школа, совместно с представителями от Глафпрофобра, соответствующего главка и от соответствующего профсоюза.

На местах должны быть также образованы особые комиссии из рабочих данного производства, с участием представителя или представителей рабочей молодежи данного завода и от заводской школы, которая должна контролировать проведение в жизнь постановлений центра, касающихся заводского ученичества.

Сказанное выше — не более, как несколько соображений, высказанных по поводу заводского ученичества. Тем товарищам, которые склонны игнорировать значение правильно поставленного заводского ученичества, где работа на заводе чередуется с теоретическими занятиями, я позволила бы себе указать на Маркса, который посвятил не мало внимания именно вопросу о заводском ученичестве. В соединении работы на фабрике или заводе с обучением и гимнастикой он видел „не только метод повышения общественного производства, но и метод производства всесторонне развитых людей".

В другом месте — в „Критике Готской программы" — он говорил: „Соединение производительного труда с обучением является могущественным средством преобразования современного общества".

Преобразование старого буржуазного общества в коммунистическое началось. Это дело не одного дня. В период реорганизации, которая будет продолжаться,

вероятно, не менее десятка лет, а может быть, и много больше, мы должны использовать все средства преобразования его. Одним из таких средств является воспитание рабочей молодежи на заводах и в заводских школах. Правильно поставленное, оно создаст творцов коммунистического строя.

„Юный Коммунист", № 1—2, 1920 г.

О ШКОЛАХ ДЛЯ РАБОЧИХ-ПОДРОСТКОВ.

Если мы хотим действительно вооружить массы силою знания, мы должны, в первую очередь, организовать достаточное количество школ и клубов для рабочих подростков (мальчиков от 13 до 17 и девочек от 12 до 16 лет), где бы они могли восполнить те пробелы в знаниях, которые у них существуют, благодаря тому, что они и их родители жили продажей своей рабочей силы. Социалистическая республика должна поправить эту социальную несправедливость, доставшуюся в наследие от капиталистического строя.

У самих рабочих-подростков настолько сильна тяга к знанию, что не приходится говорить об обязанности, о мерах принуждения, надо только дать возможность учиться. Надо немедля же открывать школы и клубы для подростков. Но, чтобы это открытие не было случайно, необходимо, вместе с тем, приступить к составлению сети этих школ и клубов. Сеть может быть составлена лишь на основании предварительного обследования. Все равно, кто производит обследование (Отдел Труда, район и т. п.), но важно, чтобы обследование захватывало всех, не посещающих регулярной школы подростков, а затем, одновременно с этим, установило бы и степень подготовленности подростка, чтобы можно было сразу установить, сколько каких групп надо открыть.

Анкета должна бы включить в себя следующие вопросы: 1) имя, фамилия, адрес; 2) возраст; 3) где

работает; 4) какую работу выполняет; 5) сколько часов занят; 6) грамотен ли; 7) кончил ли школу и какую именно.

Для этого обследования можно также привлечь или союзы рабочей молодежи, или учащихся II ступени, так как и тем и другим надо знать, как производятся обследования.

Школы для рабочих-подростков, само собой, должны быть открыты в часы, удобные для подростков. Занятия должны продолжаться 2—2½ часа и происходить не чаще 5 раз в неделю. При школе желательно иметь клуб, куда бы подростки могли идти после занятий. Часть занятий может быть вынесена в клубные занятия. Школой руководит коллектив (школьный совет), состоящий из представителей секции или соответствующей организации педагогического персонала и учащихся.

Опыт показывает, что при школах необходимо организовать питание (хотя бы за плату, так как подростки имеют заработок; исключение делается для безработных) и снабжение обувью.

Зарегистрированных подростков следует распределить на группы (безграмотных, малограмотных, кончивших школу и, вообще, хорошо грамотных).

Программа занятий будет видоизменяться в зависимости от состава группы, развития учеников, но, в общем, она сводится к следующему.

Школы для безграмотных. Центр занятий должен заключаться в обучении грамоте. Затем — знакомство с четырьмя действиями арифметики. При чем важно обратить внимание на самостоятельное составление задач из той области, в какой кто работает. Важно ознакомить с элементарным счетоводством и дать первоначальные представления по геометрии.

Знакомство с элементарными сведениями из географии. Земной шар, суша, море, материки, главные государства.

Знакомство с устройством и жизнью человеческого тела. Основные правила гигиены.

Музыкальная и графическая грамотность (занятия рисованием и музыкой могут быть вынесены в клуб, если таковой имеется; но там или тут, а обучение музыке и рисованию обязательно).

Кроме того, особый день уделяется на собеседования и чтение вслух по „грамоте гражданина".

Программа для малограмотных. Центром занятий в этой группе должен быть родной язык. И в группе безграмотных и в группе малограмотных следует обращать особое внимание на умение говорить, точно и образно передавать свои мысли (сами подростки постоянно выражают пожелание „научиться ораторскому искусству"). Это достигается не пересказом прочитанного, а привычкой формулировать свои собственные мысли. Важно научить и в письменной форме выражать свои мысли (в клубные занятия может быть вынесено и рассказывание и составление журналов).

Одна из основных задач как этой, так и последующих ступеней — научить учеников читать, т. е. пользоваться всякого рода справочниками (в число которых входят и учебники), уметь пользоваться каталогами, добираться по книгам до разрешения интересующего вопроса и т. д.

Затем надо расширить сведения по географии.

По истории надо ознакомить с этапами развития человечества; история всеобщая и русская должна служить лишь иллюстрацией той или иной эпохи. Важно показать связь между экономикой и политикой; познакомить

с историей труда, включая сюда и классовую борьбу; проследить классовую борьбу и закрепление классового господства в форме государственного устройства.

Не менее важно обратить внимание на естествоведение. Важно, чтобы был усвоен метод естественно-исторических наук; кроме того, должен быть дан запас сведений, дающих возможность сознательно относиться ко всему, совершающемуся в природе.

Затем нужно расширить дальше знания по арифметике, геометрии. Нужны занятия музыкой и рисованием.

В группах старших, с подростками, окончившими уже школу, чрезвычайно важно обратить внимание на собеседования по общественным и естественно-историческим предметам. Помочь самостоятельно составлять доклады, рефераты по этим вопросам.

С другой стороны, надо обратить внимание на профессиональную подготовку, получить которую стремятся подростки. Тут важно не изучение того или иного ремесла. Оно изучено может быть только в мастерской. В школе же важно дать основы, которые лежат в основе большинства профессий. Надо серьезно поставить черчение, изучение физики и химии, надо научить обращаться с основными инструментами и т. п.

Детальный план занятий старших групп должен быть разработан совместно с Профессиональным отделом Комиссариата. Внешкольный отдел московского Совдепа образовал особую секцию работы среди подростков. В районах ведется уже большая работа по организации школ и клубов. Но необходимо, чтобы и губернские и уездные отделы повсюду обратили внимание на эту сторону дела.

„Народное Просвещение“,
№ 22 от 7/XII 1918 г.

К СЪЕЗДУ ШКОЛ РАБОЧИХ-ПОДРОСТКОВ.

За минувший год школы рабочих-подростков стали на ноги, завоевали себе право на существование. Сейчас в школах фабзавуча обучается около 50.000 подростков, и дело это развивается все больше и больше.

В свое время, высказываясь по поводу заводского ученичества, я напоминала, что Маркс подчеркивал в „Капитале“ громадное значение соединения обучения с производительным трудом.

В этом соединении он видел не только „метод повышения общественного производства, но и метод производства всесторонне развитых людей“. В „Критике Готской программы“ он писал: „Соединение производственного труда с обучением является могущественным средством преобразования современного общества“.

Эти слова Маркса особенно уместно напомнить съезду школ рабочих-подростков.

Первый съезд школ рабочих-подростков происходит в момент, когда первый этап революции — защита Советской республики от внешних и внутренних врагов — пройден. Советская республика отвоевала свое право на существование; теперь мы вступили во второй этап: необходимо укрепить материальную базу Советской республики. Эта задача для нашей отсталой, истощенной войной империалистской, войной гражданской, измученной голодом страны чрезвычайно трудна. Она была бы непосильна, если бы страна не прошла через горнило

революции, если бы сознание того, что наша Советская республика является опорным пунктом мировой социальной революции, не воодушевляло рабочий класс РСФСР на величайшие подвиги на фронте труда. Только этот энтузиазм служит нам порукой, что все препятствия будут преодолены.

Само собой, центральным вопросом на съезде школ подростков будет вопрос о том, как наиболее целесообразно и производительно поставить подготовку квалифицированной рабочей силы. Но необходимо также уделить достаточно места и вопросу о том, как построить занятия так, чтобы школы рабочих-подростков подготовляли не только квалифицированных рабочих, но также и рабочих сознательных; эти две задачи должны слиться воедино. Без революционного энтузиазма нельзя победить разруху даже силами квалифицированных рабочих. Необходимо, чтобы над школами подростков веял дух революции.

Может, вначале, когда революционная атмосфера улицы захватывала подростка своей эффектной стороной, отсутствие продуманной программы занятий по обществоведению не имело еще такого большого значения; но теперь, когда революция пошла на углубление, необходимо обратить самое серьезное внимание на социально-общественное воспитание рабочего-подростка в школе. Школа рабочих-подростков должна давать не только те знания, которые имеют непосредственное отношение к делаемой подростком работе — счет, сведения по химии, механике, грамотность, — но также и те знания, которые делают из рабочего строителя новой жизни, сознательного коммуниста.

Обращается ли внимание на эту сторону дела в наших школах фабзавуча?

Не обращается совершенно.

Возьмем программы, предлагаемые Главпрофобром для школ подростков по слесарно-токарной, слесарно-кузнечной и столярно-мебельной, красно- и белодеревщицкой специальностям. Какое там соотношение между работой в мастерской и работой в школе? Из 167 годовых часов 107 часов уделяются работе в мастерской, 60 часов—работе в классе; но из этих 60 часов классных занятий на обществоведение уделяется лишь 1,5 годовых часа.

Буржуазные школы заводского ученичества в Америке и Германии (довоенные) половину времени уделяли на занятия в классе, и из этой половины гораздо больше времени уделяли на общественные науки. А в стране, где, предполагается, рабочие должны перестроить всю жизнь в коммунистическом духе, на обществоведение уделяется меньше 1,5 годового часа. При чем надо иметь в виду, что в американские и германские школы ученики приходят, проучившись в обще-образовательной школе 6 лет, а у нас — 2—3 года.

Нельзя же так перегибать палку и из одной крайности бросаться в другую. Квалификация — дело нужное, необходимое; но нельзя отдавать ей все время, совершенно забывая о личности ученика.

Или предполагается, что после восьмичасовой нагрузки ученик будет пополнять пробелы в своих знаниях путем самообразования? Чудные мы люди!

Как учить обществоведению, нигде ничего не говорится в программах школ рабочих-подростков.

Не входит в круг занятий учеников фабзавуча и изучение организации труда—ни в мастерской ни в обществе, не входит и гигиена, не входит и гимнастика.

Школа с такой программой не имеет в виду готовить сознательного рабочего, понимающего задачи производства и задачи своего класса.

Программы школ рабочих-подростков должны быть пересмотрены на съезде школ рабочих-подростков. Обществоведению и организации труда должно быть отведено в них неизмеримо большее место.

„Правда", № 215 от 24/IV 1922 г.

ПРОЕКТ ШКОЛЫ НА БОНДЮЖСКОМ ХИМИЧЕСКОМ ЗАВОДЕ.

Основным принципом единой трудовой школы является ее тесная связь с жизнью. Трудовую школу нельзя построить бюрократическим путем. Можно завести сколько угодно самых дорогих мастерских, поставить туда преподавателей трудовых процессов, но все это будет мертворожденным делом, если производительный труд детей будет оторван от живой жизни, и производительность этого труда будет отвлеченная. Поясню примером: сделать табуретку, вообще говоря,—производительный труд, но если ребенок не видит, что сделанная им табуретка действительно нужна, что это то, что следовало сейчас делать, чтобы помочь благоустройству домашней или общественной жизни, производительный характер труда в значительной степени поблекнет.

Живую, жизненную школу возможно построить только в тесном общении с представителями трудового населения, при их непосредственном участии.

Чтобы правильно построить программу школы II ступени, надо прежде всего обратиться к рабочим того завода, на котором устраивается школа, и сообща обсудить с ними программу школы.

Возьмем Бондюжский химический завод (Казанской г. Елабужского уезда). Как должна быть там организована школа II ступени? Несомненно, основным предметом, на котором придется особо подробно остановиться

при прохождении курса естествознания, будет химия. Рабочие завода, вероятно, сумеют устроить так, чтобы заводская лаборатория несколько часов находилась в распоряжении школы. Смогут устроить так, что подростки II ступени будут, по очереди, пару часов в день работать в каких-либо мастерских завода. Установление очереди и пр. должно быть поручено самим подросткам.

Так как большинство материала получается в окрестностях, только часть привозится с Урала, то подростки должны хорошо уметь распределять состав почвы и знать геологическое строение местности, что невозможно без общего знакомства с геологией. Значит, и на эту часть естествознания придется обратить особое внимание.

Ученики должны также знать способы добывания веществ, необходимых для работы на заводе. Очень хорошо было бы, если бы подростки принимали участие в артелях по добыванию сырых материалов для завода и исполняли бы там посильную работу. Если есть сырье, которое привозится, например, с Урала, важно бы организовать экскурсию учеников на Урал, конечно, подготовив ее (распределив, кто будет зарисовывать виденное, кто — делать записи и пр.) Такая поездка может очень много дать. Связать надо ее с историей Урала, которая будет исходным пунктом для изучения русской, а отчасти, и всемирной истории. Тут подростки могут помогать в библиотеке по составлению и рисованию плакатов, иллюстрирующих разные исторические моменты. История должна отметить и национальный вопрос, играющий такую большую роль в Казанской губ.

Важна постановка преподавания русского языка для татар и татарского для русских. Изучение одного

иностранного языка должно быть обязательно для тех и других.

Затем необходимо обратить внимание на умение точно фиксировать действительность: снимание планов, чертежи и рисунки, статистические обследования. Подросткам II ступени завод или отдел земледелия могут поручать необходимые им статистические обследования.

Точно установленное настоящее положение вещей сравнивается с прошлым, и тут опять необходимо возвращение к истории человечества. История последних лет заканчивается изучением советской конституции, изучением современного строя. Практическая работа при Совете поможет ученикам II ступени понять функции Совета.

Так как на Бондюжском заводе дети живут в таких условиях, что, с одной стороны, они наблюдают заводскую жизнь, а с другой — сельско-хозяйственную, то в программу II ступени надо ввести и изучение земледелия, теоретического и практического. Значит, и в эту сторону надо расширить изучение естествознания.

Условия, в которых живут дети на Бондюжском и на большинстве уральских заводов, способствуют как нельзя лучше постановке политехнического всестороннего образования.

Умение говорить, умение описывать точно и ясно, умение выбрать самое нужное, самое существенное при деловых отчетах, умение образно, картинно описывать событие или местность, то или иное переживание — достигается общей постановкой работы. Не только на уроках русского языка вырабатывается умение писать. Оно является результатом всестороннего наблюдения и переработки виденного.

Как изучение языка, так и изучение математических соотношений, математических законов проводится не только на специальных уроках математики, но проходит красной нитью через все занятия. Статистические работы, работы землемерные, изучение работы завода во всех ее деталях и пр. дадут богатейший материал для изучения математики. Самое важное — развить математическое мышление,— и тогда математика будет изучена сравнительно легко.

Наконец, изучение анатомии и физиологии человека, в связи с гигиеной и санитарией, даст возможность ученикам выполнить целый ряд работ по санитарии.

„Народное Просвещение",
№ 53—55 от 4/VIII 1919 г.

ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ В ШКОЛЕ ФАБЗАВУЧА.

Школы фабзавуча входят в единую систему народного образования РСФСР. Они, по существу дела, являются одним из типов единой трудовой школы. Главную особенность школы фабзавуча составляет то, что общеобразовательная часть программы, обязательная в настоящее время в школе фабзавуча в объеме программы первого концентра, базируется на теоретическом и практическом изучении той или иной отрасли фабрично-заводской промышленности.

База, подводимая под трудовую школу типа школ фабзавуча, особенно ценна тем, что изучаемое производство является не ремесленным, а имеющим будущее, крупным машинным производством; тем, что в школах фабзавуча в основу кладется не искусственно созданное при школе производство, а сама школа строится при производстве, играющем ту или иную роль в общем производстве страны. Чрезвычайно благоприятной предпосылкой в школах фабзавуча является также тесная связь школы с рабочими завода, общая атмосфера труда.

Однако, благоприятные условия, имеющиеся налицо в школах фабзавуча для развития их в дополнительную трудовую школу, дающую возможность учащемуся стать квалифицированным умелым рабочим и сознательным хозяином производства, обычно, очень плохо используются, и школа фабзавуча на практике сплошь и рядом

совсем не то, чем она должна быть. Сейчас задача в том, чтобы научиться благоприятные условия использовать.

Остановимся подробнее на обществоведении. Оно в школах фабзавуча в большом загоне: и часов ему мало отводится и ставится оно по-старинке, и потому не пробуждает оно никакого интереса в ребятах, которые им тяготятся.

Как проходить обществоведение в школах фабзавуча? Пройти надо программу обществоведения первого концентра. Расположение материала будет иным, чем в других школах первого концентра, но учащиеся фабзавуча должны приобрести в результате те же сведения по обществоведению, что и в других школах.

Как строить курс? Этот вопрос должен быть серьезно обсужден и разработан. Мне дело представляется так.

Начинать надо с изучения своей фабрики. Изучение фабрики должно быть всесторонним, изучаться должна не только техническая сторона, но и общественная жизнь рабочих фабрики, их экономическая и политическая организации, их быт. При этом фабрика должна изучаться не как нечто изолированное, должны быть прослежены все связи фабрики с окружающим: выяснена роль данной фабрики в общем хозяйстве страны, выяснена роль обмена, транспорта, и, особенно, прослежена связь фабрики с деревней, выяснена их взаимная связь.

При изучении условий труда, величины заработной платы, длины рабочего дня, жилищных условий рабочих и т. п. необходимо все это связывать с экономической организацией рабочего класса — с профсоюзной борьбой, а профсоюзную борьбу брать в международном масштабе. Затем надо, на примере фабрики, показать связь между экономикой и политикой и вскрыть сущность

советского строя. И опять надо говорить о тесной связи интересов рабочего класса и крестьянства, выяснить значение рабоче-крестьянской власти.

Следующим этапом должно быть прошлое фабрики и прошлое данной отрасли промышленности (включая и положение рабочих, их прошлую экономическую и политическую борьбу). И так как опять-таки все это должно изучаться на фоне хозяйственной и общественной жизни страны, то изучение прошлого страны выступит достаточно ярко. Тут деревня будет выступать особенно выпукло. Именно, подходя к изучению фабрики в историческом разрезе, удобнее всего подвести учащихся школ фабзавуча к изучению вопросов о роли крестьянства в истории России. Исходя из недавнего капиталистического прошлого, в котором мы стоим еще обеими ногами, которое хватает нас на каждом шагу и о котором фабрично-заводским подросткам особенно легко дать представление и при изучении настоящего и прошлого фабрики,—надо идти дальше и дальше вглубь истории и, таким образом, освоить ребят с идеей эволюции, на истории нашего прошлого ознакомляя ребят с принципами исторического материализма.

Последним этапом должна быть „фабрика будущего"—опять-таки на фоне общественного строя. Тут нужно очертить коммунизм, выявить свое лицо и показать, что капитализм неизбежно должен уступить место коммунизму. Надо выяснить, что советский строй, это—переходный строй от капитализма к коммунизму.

Поставив в центре изучения фабрику, можно пробудить у ребят громадный интерес к обществоведению.

Важно только, чтобы детально был разработан план, чтобы в этот план входило всестороннее и широко поставленное изучение фабрики, надо точно наметить

все вопросы, которые надо последовательно осветить, подготовить все материалы.

Надо ребятам разъяснить важность для рабочего знания фабрики, понимания вопросов, тесно связанных с ее работою и жизнью. Важно также дать общий план изучения, разбить его на части, выработать вместе с ребятами план на текущий год, разбить этот план на месяцы и вырабатывать коллективно план изучения на ближайший месяц.

Вышеупомянутый подход к постановке занятий в школе фабзавуча делает безусловно необходимым участие в работе школы фабзавуча рабочих данной фабрики: своим знанием дела, своим опытом они помогут поставить дело на должную высоту. Они могут, содействуя работе школы фабзавуча, и сами очень многому научиться. Вот почему школа фабзавуча должна стать любимым детищем культкомиссии, должна стоять в центре ее внимания.

Мы не станем останавливаться подробно в данной статье на методах работы в школе фабзавуча. Укажем только, что трудовой метод, о котором так много говорится, в школе фабзавуча легче поставить, чем где бы то ни было. Надо только уметь связать органически производительный труд с обучением.

Ставя в центр занятий изучение фабрики, мы создаем тем самым предпосылки для развития широкой самодеятельности и наблюдательности у ребят.

Очень важно в ходе работы давать ребятам материал для сравнения как из области техники, из области производственной, так, в особенности, и из области общественной. Чтение таких брошюр, как „Жизнь русского рабочего 50 лет тому назад“ из воспоминаний Свирского, или картинок быта, работы на заводе

европейского или американского рабочего (например, много материала можно извлечь из романа „Товарищ Иетта", из романов Уптона Синклера и пр.), очень полезно. Только сравнение может помочь осознать многое. С этой точки зрения, очень полезны и всякого рода экскурсии в другие предприятия, дающие возможность сравнений и самостоятельных выводов.

Не менее важно, чтобы все добытые сведения, данные, все материалы сводились воедино и где-то фиксировались.

С одной стороны, это может быть достигнуто тем, что ученики будут записывать все то, что им удалось пронаблюдать и узнать, в особые тетрадки, а также общими силами будут составлять сборник „Наша фабрика", снабжая его рисунками, чертежами, диаграммами.

Одновременно с этим, культотдел фабрики должен поручить школе фабзавуча организовать производственный музей, где бы был собран материал, отражающий жизнь фабрики в целом. Работа по изучению фабрики должна самым наглядным образом отражаться в производственном музее.

Такого рода музей может иметь, вообще, очень большое значение для постановки производственной пропаганды на фабрике.

Пусть дело начнется с малого, постепенно такой музей будет расти, освещать все более и более все стороны жизни фабрики и станет мало-по-малу культурным центром, имеющим большое значение для всей фабрики.

1923 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие 3

I. Детский и юношеский труд.

I. Маркс и Энгельс о детском труде 9
II. Организация труда подростков 21
III. Буква закона 29
IV. Об отмене детского труда 33
V. В Комиссариат Труда 39
VI. Школа учебы и причины ее упрочения 41

II. Трудовая школа.

I. Упадок ученичества, как знамение времени 47
II. Прогресс техники. Новые тенденции в этой области 51
III. Профессиональное образование. Рост его. Изменение его характера 55
IV. Превращение школы учебы в школу труда. Неизбежность этого 67
V. Советская система народного образования и РКСМ. 79
VI. О заводском ученичестве 87
VII. О школах для рабочих-подростков 92
VIII. К съезду школ рабочих-подростков 96
IX. Проект школы на Бондюжском химическом заводе 100
X. Обществоведение в школе фабзавуча 104

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ“

Правление и баз. склад—Харьков, ул. Своб. Акад. 5. Тел. 10-07.
Московское отделение—Петровские линии 1/20. Тел. 3-01-99

ЮНСЕКТОР

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Г. Зиновьев—Коминтерн молодежи . . . . . 8 к.
Д. Павлов—Комсомол после смерти Ильича . . . . . 18 „
Г. Трофимов—Комсомольская ячейка на производстве 22 „
А. Безыменский и А. Жаров—Наш день (стихи) . . . 60 „
Сборник—Международный день работниц . . . . . 80 „
„ **Красармия**—Под пятикрылой звездой . . . . 15 „
Сборник—Юные герои коммуны . . . . . 35 „
Блях—Молодой лыжник . . . . . 15 „
Программа и устав РЛКСМ, принятые VI съездом РЛКСМ . . . . . 12 „
С. Скарубский—Законы о труде раб. молодежи . . . 1 р. — „
А. Молотов—Молодежь и 1905 год—сборник . . . . 35 „
В. Лукин—Профсоюзы и Комсомол . . . . . 17 „
Н. Крупская—Моя жизнь, 2-е издание . . . . . 10 „
Н. Ленин—1 Мая . . . . . 25 „
И. Тепер и Руднев—1 Мая . . . . . 15 „
Н. Чаплин—Очередные задачи Комсомола . . . . . 12 „
В. Сарабьянов—Введение в диалектический империализм 22 „
Л. Березов—Ленинский Комсомол и фабзавуч . . . . 20 „
„ Спартак—освободитель рабов . . . . . 15 „
С. Кильколых—Уголок юного пионера в комсомольском клубе . . . . . 20 „
Э. Гернле—Детское коммунистическое движение . . 30 „
С. Кильколых и Д. Дашевский—Лагерь-коммуна юных ленинцев . . . . . 40 „
В. А. Мирошевский—История КИМ . . . . . 13 „
В. Луговской—Летняя работа в клубе (из серии „Библиотечка клубн. раб.“) . . . . . 22 „